

РЕГИНА ГРЁЗ

РУССКИЙ ВИД
Лысь

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ

Регина Грез
Русский вид. Рысь
Серия «Русский вид», книга 4

*Текст предоставлен правообладателем
2022*

Аннотация

Ева спасает жизнь летчику, которого сначала принимает за пришельца из космоса. Дальше им приходится вместе скрываться в лесном поселке, а там поджидают новые знакомства, тревоги и радости. Тайны прошлого будут раскрыты.

Всем не сложившимся семьям,
всем не сбывшимся поцелуям,
всем не рожденным детям.

Я попыталась вернуть с той страшной войны хотя бы пятерых наших мужчин.

Я дала им силу медведя,
отвагу снежного барса,
верность волка,
мощь тигра и
ловкость рыси

Книга о любви и дружбе, о поисках дома и семьи.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Ева	11
Глава 2. Пленник из космоса	22
Глава 3. Спасение	34
Глава 4. Новые планы	48
Глава 5. Разгадка близка	73
Глава 6. В заказнике	92
Глава 7. Соперница	108
Глава 8. Яблоко и змея	117
Глава 9. Забытое имя	131
Глава 10. Люди и звери	141
Глава 11. «Научи меня любить...»	156

Регина Грез

Русский вид. Рысь

Пролог

*Так уж вышло –
не крестись –
Когти золотом ковать,
Был котенок – станет рысь,
Мягко стелет, жестко спать!*

«Оборотень» Наталья О, Шей (Хелависа)

6 июля 1943 г. СССР

***Граница Белгородской и Курской областей
«Огненная Курская дуга»***

Надвигались июльские вечерние сумерки, когда маленький одномоторный истребитель «Ла – 5» (в простонародии «лавочка») возвращался из разведки на секретный аэродром под Белгородом. И вдруг советский пилот заметил большую группу немецких бомбардировщиков «Юнкерс», летевших в восточном направлении.

Срывая голос, старший лейтенант закричал по радиации, предупреждая свою группу:

– Тревога, ребята! Бомберы летят!

Он был уверен, что скоро его прикроют товарищи, но ра-
ция была неисправна. Так «лавочка» оказалась наедине
с двадцатью вражескими самолетами, – уклониться от боя
нет никакой возможности. Разве что попытаться удрать, за-
ставив группу тяжелых бомберов следовать за собой в тыл,
как остервенелую стаю... Ну уж нет!

Заранее набранная высота позволила советскому пилоту
уверенно атаковать. Не раздумывая, он с ходу устремился
на первое звено черных немецких бомбардировщиков, ле-
тевших ниже.

В прицеле пушки показался ближайший «Юнкерс», – пи-
лот нажал на гашетку, а потом ловко увернулся в сторону,
иначе сам бы пострадал от обломков сбитого им самолета.
Первая удача окрылила, советский ас даже нашел пару се-
кунд, чтобы всмотреться вдаль, надеясь увидеть «стайку» на-
ших лобастых истребителей. Восточный горизонт оставался
чист. Тогда пилот «лавочка» понял, что и дальше придется
биться в одиночестве.

На мгновение ему стало жутко, затем вспомнилась ста-
ринная поговорка Суворова или другого какого русского
полководца:

– И один в поле воин, коли по-русски скроен!

А ведь он мог улететь от них, просто сбежать... Резко
дернуть ручку штурвала от себя, потерять высоту, выйти
из неравного боя и стремительно улететь к своим. Возмож-
но, «стервятники» Геринга и не стали бы преследовать уле-

петывающий истребитель.

Но пилот принял другое решение – пока есть снаряды в пушках и горючее в бензобаке, он будет сбивать их один за другим из любого положения, при пикировании и наборе высоты, заходя справа и резко маневрируя. Новая короткая очередь и разодранный «Юнкерс», завертевшись, показал брюхо в потеках бензина. Строй немецких самолетов оказался рассеян, а вскоре повалил черный дым из третьего бомбера.

Советский пилот ликовал, стараясь не думать о том, что его боеприпасы на исходе, а врагов еще очень много. Он поистине проявлял чудеса пилотирования, выжимая все возможное из проверенной «лавочки», но неожиданно сверху появилось вызванное немцами подкрепление из шести «Мессершмитов». Они были серьезными противниками. Как правило, управлялись настоящими асами Люфтваффе.

Напряжением воли успокаивая неровно стучащееся сердце, советский пилот пытался собраться с мыслями и как можно дороже продать последние минуты жизни.

«Надо же было до войны выучить их, чертей, в нашем Липецком на свою голову, а кто же тогда знал, что с ученичками воевать придется...»

Он хрипло рассмеялся и одеревеневшими пальцами надавил на гашетку, однако пушка молчала – снаряды закончились. И все-таки ему удалось прошить ближайший «Мессер» последней очередью из пулемета. Вскоре затих и пулемет,

патронов больше не было. Тогда пилот еще долгое время пробовал маневрировать, кидая измученную машину вверх и вниз, вправо и влево... Вскоре по раскаленному мотору прошла огненная струя, и «Ла-5» потерял управление.

Огненными колесами крутились в мозгу последние мысли:

«Хотя бы еще один забрать с собой на землю. Не дать улететь, вцепиться зубами! Один немецкий самолет может уничтожить дюжину наших танков, сжечь их заживо вместе с экипажем в аду металлической коробки... Завтра будет страшная битва на земле, а моя здесь уже почти завершена...».

Последнее, что запомнилось ему из неравного воздушного боя – это черный бок «Мессера» с ненавистным крестом, в который он решительно направил свою верную «лавочку».

«Бог! Если ты есть!.. Хотя бы еще один!..»

Всего за эти страшные полчаса он уничтожил восемь немецких самолетов и каким-то чудом остался жив. Хотя, может, лучше бы умер.

Месяц спустя

Германия, г. Вайсбах, 1943 г.

креп. Штайнбург, Лаборатория д. Вильгельма Крафта

В строго охраняемом медицинском боксе на ночь было оставлено приглушенное освещение. Над замотанным в бин-

ты человеком склонились два заинтересованных наблюдателя.

Один поправил очки на вспотевшем носу и вкрадчиво доложил руководителю проекта характеристики пациента:

– У него высочайшая способность к регенерации, герр Доктор. Позволю себе заметить, что это уникальный случай. Я не сталкивался прежде с подобным явлением. Поистине феномен! У русского пилота наблюдается пятьдесят процентов обгоревшей плоти, несколько тяжелых переломов и уже вовсю идет восстановление... Внутренние органы отлично справляются. Мы надеемся на отличный результат.

– Что ж... Если выживет, займитесь им лично, Шнайдер. Вы уже видели того красавца, что привезли из белгородских лесов? Великолепный самец! А ведь это редкое животное и тоже уникальное в своем роде. Зверь запутался в охотничьих силках, голодал несколько дней и почти отгрыз себе лапу, пока наши солдаты не обнаружили его в ловушке.

– А вы знаете, насколько зоркое у них зрение, господин Крафт? Астроном Ян Гевелий даже назвал одно из скоплений мелких звезд Созвездием Рыси: «В этой части неба встречаются только мелкие звёзды, и нужно иметь рысьи глаза, чтобы их различить и распознать».

– Итак, в нашем распоряжении целых два ценных объекта – зверь и пока еще человек. Не пора ли сделать из них одно совершенное существо?

– Все условия благоприятствуют. Еще несколько тестов

и можно проводить «подсадку».

– Жду подробных отчетов о ходе нового эксперимента, Шнайдер. И позаботьтесь об особой сохранности донора. Если пилот не справится, биоматериал придется опробовать на другой «крысе».

– Понял вас, господин Крафт!

Наши дни, г. Москва

Главное разведывательное управление Генштаба ВС России

У раскрытого настежь окна кабинета курил солидный мужчина в расстегнутом мундире. Успокаивал нервы, продумывал план действий и вдруг резко шагнул к столу, за которым ожидал решения подчиненный.

– Сергей Павлович, потрудитесь объяснить мне – как вы могли не знать, что сотрудник, который должен непосредственно контактировать с объектом имеет открытую Гринкарту? Прямой саботаж! Кто-то копает под меня, давно копает, но я вычислю крысеныша. Своими руками гадину придушу.

Генерал набрал воздуха в грудь и, упираясь растопыренными пальцами в стол, заорал:

– Если не найдете пропажу через сутки, вынужден буду сообщить о происшествии наверх, вы потеряете должность.

– Делаем все, что в нашей компетенции, товарищ генерал!

Город закрыт двойным кольцом, – отчеканил Сергей.

– Поздно! Из-под носа у вас объект увели. Значит, информацию слили. Твари продажные... (отборный мат). Да я почти уверен, что парня уже нет в Подмосковье. Проверьте ближайшие области, работайте с населением, ройте землю, иначе заруют вас. И меня заодно... Везде бардак! Невозможно работать с такими... (брань).

– Мы его найдем, товарищ генерал! Разрешите выполнять?

Глава 1. Ева

Наши дни

Нижегородская область, г. Кулебаки

Меня зовут Ева. Просто Ева. Фамилия сейчас не важна. Интересно, а у самой первой Евы была фамилия или отчество? Нет, наверное, откуда бы... Первая женщина без рода без племени, плоть от плоти своего Адама. Получается, Бог сотворил Адама из глины, а Ева сотворена из Адама. Прежде они были одним целым, может, потому-то и жили душа в душу, в ладу и гармонии, даже разделенные, даже изгнанные из Рая.

Конечно, Бог предвидел их ослушание. На то он и Бог, чтобы знать все наперед. И яблоня Познания выросла в саду не случайно, а по строго выверенному сценарию Творца, по его мудреной задумке. И уж тем более не случайно появился там Змей. Как же в сюжете без «плохого парня», так и герою себя не проявить.

Стоп, в раю еще какое-то время до Евы обитала своенравная Лилит. Уж она точно была сама по себе – равная Адаму, только гордая и непокорная. Говорят, многим мужчинам нравятся роковые красотки. Но, видимо, у Лилит со стержнем был явный перебор и мягкотелый – «глиняный» Адам ей быстро надоел. Она улетела из скучного сада в поисках приключений, за что и была наказана обиженным Твор-

цом.

Уж с Евой-то первому мужчине жилось гораздо комфортнее и надежнее, чем с капризной Лилит. На свою Еву Адам всегда мог опереться, положиться – она ж из крепкого ребра, а не какого-то там рыхлого праха. К тому же родное ребро никогда не подведет, кость – она и есть кость, знай свое место. Сиди на нем и не высовывайся.

Примерно так рассуждал о женщинах мой бывший парень Олег. Когда мы познакомились, он работал инструктором в Фитнес-клубе северного города Надыма. Кстати, сам клуб и еще пара магазинов спортивного питания принадлежали дяде Олега, бывшему депутату местной Городской Думы, так что с обеспеченной, влиятельной родней было все в порядке.

Я же в свои двадцать шесть лет работала специалистом по «мягкому» фитнесу. Меня приняли в клуб дяди Олега инструктором по калланетике и пилатесу вместо ушедшей в декрет сотрудницы.

Справлялась я отлично, группы, что вела моя предшественница, удалось сохранить и даже пополнить новыми клиентками. Работу свою я очень любила. По-моему, пилатес, йога и бодифлекс – лучшие способы сохранить женское тело в балансе красоты и здоровья.

Правда, к тому времени, как я устроилась спортивным инструктором, в закромах у меня было образование филолога, но вакансии русоведа в городе не нашлось. Сначала я пыталась зарабатывать репетиторством. Доход эта деятельность

приносила смехотворный, вот и пришлось превращать в профессию свое увлечение аэробикой.

* * *

Родители мои развелись, когда я училась в шестом классе. Очень неприятная история, даже не хочется вспоминать. Папа тогда вернулся из мест заключения, где пробыл без малого семь лет. А попал он туда из-за пьяной бытовой драки, когда фарфоровой вазой пробил голову какому-то случайному собутыльнику.

А все потому, что тот, по мнению папы, слишком пристально смотрел на маму, и она улыбалась в ответ. Уж моему ли родителю было не знать, что у мамочки просто лицо такое – милое и улыбочивое для всех, кого приходится кормить пирогами. Гостеприимная она у нас – мамочка.

А когда папа вернулся, и мы снова стали жить как одна семья, начались неприятности. Оказалось, что он изменился в худшую сторону, из вспыльчивого интеллигента превратившись в развязного, циничного хама.

Выглядел папа теперь тоже экзотично – на коленях звезды, на сгибе локтя надпись «крови нет, выпили менты», на тыльной стороне запястья синие буквы Б А Р С.

Спустя три месяца по прибытию домой он снова подрался с соседом по лестничной площадке, и когда мама хотела их разнять, сильно ее толкнул. Мама упала, ударилась живо-

том, случился выкидыш. После больницы она сразу же подала на развод.

Я очень переживала, несмотря на бурный характер, любила отца, мы всегда были дружны, понимали друг друга. Где-то в самой глубине души я им даже немножко гордилась.

Может, потому, что папа был задиристый и прямолинейный, не похожий на других серых, чинных, будто прилизанных горожан. К тому же благодаря моему хулиганистому родичу я стала получать повышенное внимание от мужской половины нашего класса:

– Слушай, Евка, а батя у тебя улетный! А какие у него наколки есть, расскажи! А еще где?

И вот я, дуреха малолетняя, расспрашивала отца о нелегких буднях «за колючкой», упивалась уголовной романтикой в исполнении Михаила Круга «Владимирский централ – ветер северный...», от души жалела несчастного сидельца за все перенесенные им лишения. Ну, прямо как декабриста, который вышел на Сенатскую площадь протестовать против царской власти и был сослан в Сибирь на каторгу.

После развода отец уехал в другой северный город, оставив нам с мамой однокомнатную квартиру в Надыме, где мы и стали проживать вдвоем. А пару лет назад по программе переселения северян маме выделили жилье в Нижегородской области, в маленьком городке со странным названием Кулебаки.

К тому времени я уже познакомилась с Олегом и полу-

чила приглашение перебраться к нему в просторную студию элитной новостройки. После долгих сомнений, мама поехала в европейскую часть России одна.

– Воздух в Кулебаках легкий, климат здоровый. Может, еще поживу. На свадьбу только пригласить не забудьте.

Но до красивой свадьбы у нас с Олегом не дошло. Лодка, что вполне бы могла называться потом семейной, разбилась о быт уже через полгода совместного проживания.

Очутившись на территории жениха, я с первых же дней стала чувствовать себя высокообразованной прислугой, качественным прибором из разряда бытовой техники.

Олег настоял на том, чтобы я оставила репетиторство, сократила количество занятий в Фитнесс-клубе и занялась домом. Моей главной обязанностью стало встречать будущего мужа с работы в полной боевой готовности: квартира блестит, ужин из трех блюд, причем идеально сбалансированных по составу, а я сама должна походить на красотку с обложки «Космополитен».

Перед совместным походом в спальню от меня требовался кружевной полупрозрачный пеньюар, сексуальные шпильки, чувственная аура в будуаре за счет ароматических свечей и масел, а также искреннее желание выложиться на все сто для вальяжного самца-господина.

«Чем ты меня сегодня удивишь, Евочка...»

Я, конечно, всегда старалась выглядеть подтянуто и свежо, но не имела привычки накладывать косметику в выход-

ные дни, никогда не делала вычурную прическу, собираясь вынести мусорное ведро. И расписывать в уме последовательность эротических приемов для меня тоже оказалось в новинку.

Олегу нужна была идеальная картина: уютное гнездышко в стиле минимализма, замысловатый рацион питания для спортсмена, красавица жена при изысканном маникюре в модной одежде. Жена – повар высшего класса, жена – гейша, жена – тонкий психолог и фотомодел ь в одном лице.

Наконец я поняла, почему от Олега сбежали несколько бывших подруг, а еще парочку барышень он выгнал сам без долгих церемоний. Я же, как истинная «отличница», принципиально намеревалась продержаться подольше. И даже поставила рекорд в отношениях Олега с девушками – меня хватило на целых полгода. Просто я очень любила своего первого мужчину, хотела соответствовать ему, стать для него единственной, самой лучшей.

В моих глазах Олег был образцом мужественности: старше меня на несколько лет, brutальный, «накачанный», под два метра ростом красавец. Себя-то я всегда считала ничем не примечательной, совершенной обычной девчонкой, на которую никто не обратит внимание с первого взгляда. А вот с первого разговора...

Меня часто хвалили за голос – глубокий и завораживающий тембр с бархатистыми интонациями. На этот-то голос и явился Олег в спортивный зал, где я громко руководила

полнотелыми и поджарыми дамами своей группы. Помню, обомлела, увидев его впервые.

Во время своих занятий в «тренажерке» Олег повязывал коротко стриженую голову красным платком, прибавьте к этому внушительный полуголый торс, острый надменный взгляд, ямочку на подбородке... Настоящий пират! Я покорилась до обидного быстро. «Абордаж» произошел примерно через неделю после нашего знакомства, но я ни о чем не жалела.

Как писали в старинных романах: «Между нами разгорелось пламя страсти, которое невозможно было погасить...». Потом я полгода упорно подкидывала дровишек, сбросила лишние два килограмма, которые мешали моей фигуре дотянуться до пресловутых стандартных параметров, в совершенстве освоила технику накладывания макияжа, записалась на курсы фитодизайна.

Забросив свое репетиторство по русскому языку, я штудировала кулинарные книги и сайты, стала поклонницей передач типа «Модный приговор», поменяла гардероб, правда, на свои собственные средства. В плане финансов Олег оказался довольно прижимистым, так из моих личных доходов треть денег должна была вноситься в общую казну на общие нужды.

Олег ратовал за равноправие:

– Не выношу девчонок, которые пищат: «Мои деньги – это мои деньги, а твои деньги, любимый, – это наши деньги!»

Со мной у них такой номер не пройдет.

И я легко согласилась, а разве он был не прав? Мы же вместе, мы пара – у нас все общее. Потому я сама платила за себя в кафе, сама покупала себе косметику, одежду и остальные женские штучки. Содержание квартиры и минимальный продуктовый набор был за счет Олега. В список вынужденных расходов попадали и цветы для меня, случайно подсмотрела в ежедневнике.

Через полгода такой карусели я выдохлась... Устала быть Леди Совершенство и стала пятой невестой, сбежавшей от Олега, сверкая тщательно обработанными пятками. В костре нашей страсти остались одни угли, которые я щедро залила слезами, а последним толчком к такому решению стал звонок от маминой соседки из Кулебак.

– Евочка, приезжай скорее, Надежда в больнице.

Так я навсегда простилась с Надымом, вычеркнула из сердца гламурно – расчетливого пирата и поселилась в Нижегородской области.

Мамочки моей не стало через два месяца после переезда. Отказали почки в реанимации, врачи ничего не могли сделать. Я осталась совсем одна. Поначалу отца хотела разыскать, а потом подумала – зачем?

Он не интересовался мною уже десять лет, хотя исправно платил алименты в свое время. После того, как завел в Сургуте новую семью и устроился на завод слесарем механосборочных работ, после рождения сына ни разу не поздравил

меня с днем рождения.

А я очень скучала по нему, писала, звонила... Но отболела и эта рана, превратившись в едва приметный шрам, ноющий во дни душевной непогоды. С мамой мы всегда были лучшие друзьями, я доверяла ей все свои тайные мысли, потому что знала – она может понять и утешить одним лишь ласковым взглядом. Но чаще всего ко взгляду прилагались и теплые объятия, а потом можно было лечь ей на колени, закрыть глаза и представить, что все невзгоды далеко-далеко, за пределами нашей любви.

Я долго корила себя за то, что не поехали с ней сразу, вцепившись в Олега. Может, если бы мы жили вместе с мамочкой, она продержалась бы дольше. Но что теперь об этом говорить... После ее ухода, меня очень поддержали Кулебакские соседки и бывший участковый – пенсионер Валентин Игоревич. Он подружился с мамой, когда она только поселилась в их городе, часто заходил в гости на чай и, вроде бы, даже неловко сватался.

Мамочка у меня и в шестьдесят лет была красавицей. Невысокая, стройная, с густыми каштановыми волосами, вьющимися на концах. Говорят, внешностью я пошла в нее, только вот глаза у меня папины – светло-карие. А у мамы были голубые, прозрачные, как озеро в спокойный весенний день.

И вот оказалась я в незнакомом городке Кулебаки в ста километрах от столицы. Мне предложили место учителя рус-

ского языка в средней школе. Но учеба начнется только в сентябре, а сейчас лишь начало июля. У детей каникулы в разгаре. С репетиторством тоже не везло. Все ЕГЭ давно завершились, молодежь отдыхает, кто на даче у бабушки, кто в Турции или жарком Тайланде.

Чтобы хоть как-то свести концы с концами я начала набирать группу по аэробике, директор любезно разрешил проводить занятия прямо в школьном спортзале. Условия, конечно, не ахти, с фитнес-клубом в Надыме не сравнишь – никаких тебе зеркал и спецоборудования, зато великолепная акустика.

Я расклеила по городу объявления и уже через неделю у меня набралась небольшая, но очень активная группа из женщин, желающих выточить фигурку по самым современным методикам.

«Уж теперь продержусь до первой учительской зарплаты, хотя бы на кефире и гречке».

А потом пришла настоящая удача – мне предложили подтянуть по русскому языку одного пятиклассника. Его семья недавно переехала в Подмосковье откуда-то из Европы. Жил Артур в элитном коттеджном поселении рядом с Кулебаками. Добираться до усадьбы в дубовой рощице мне приходилось с автобусной пересадкой, машины я своей пока не завела, хотя права получила еще в Надыме.

Но все эти дорожные неудобства с лихвой компенсировались обещанным гонораром. У Артурчика, правда, было

неважно с русским языком, а родители его оказались состоятельными людьми. Первое время я всерьез недоумевала, что они забыли вблизи скромного моногородка, когда вполне могли бы жить на Рублевке.

Полагаю, их привлекали высоченные старинные дубы на месте бывшей дворянской усадьбы какого-то русского аристократа, сбежавшего из страны во время Октябрьской Революции. Может, родители Артура были его прямыми потомками и потому решили поселиться в «родовом гнезде»... Природное любопытство рисовало мне развесистые картины семейного древа Сосновских, знать бы раньше, куда этот интерес заведет!

Благодаря знакомству с Артуром в жизни моей произошли колоссальные перемены. И я даже спасла жизнь очень странному человеку, ставшему для меня в последствие чрезвычайно важным. И в его судьбе я тоже многое изменила, начиная с имени.

Но лучше обо всем по порядку...

Глава 2. Пленник из космоса

Мне нравилось заниматься с Артуром. Он с первого дня знакомства показался добрым и понятливым мальчишкой, только немного зажатым, скованным в общении и стеснительным для своих одиннадцати лет. Первые занятия приглядывался ко мне, а потом вдруг отмяк, начал взалхлеб рассказывать про частые переезды и потерянные игрушки, в знак симпатии показал коллекцию игрушечных роботов.

Вся комната его была в постерах и собственных рисунках на тему бравых астрорейнджеров и крутых звездолетов будущего.

В свою очередь я нашла ему в Сети мультики про Алису Селезневу по историям Кира Булычева: «Тайна третьей планеты» и «День рождения Алисы», а позже привезла из города и пару фантастических книг для подростков. Артур был по-настоящему впечатлен, а меня охватила ностальгия.

Даже захотелось старые фильмы пересмотреть – «Гостья из будущего» и «Остров ржавого генерала». Маме они тоже нравились.

Артур страстно интересовался космосом, много и системно читал – от комиксов и детективов до серьезной фантастики, а еще больше сам фантазировал на тему разных Галактик, а также их невероятных обитателей. Сказывалось влияние современных мультфильмов про искусствен-

ный интеллект и межпланетные приключения. У Артура был неограниченный доступ в Интернет. Сосновские полностью доверяли сыну.

Мамочку его я видела только один раз и то мельком. Случайно узнала, что она занимается в Москве модельным бизнесом, но сама по подиуму не ходит, а обучает этому нелегкому ремеслу молодых перспективных девушек. На сына у нее оставалось немного времени.

А вот отец Артура был для меня загадкой. Я его поначалу немного побаивалась, не начал бы приставать пока женушка на своих показах. Слава богу, обошлось...

Мне он представился как Леонид Андреевич, но скоро стало казаться, что это вроде псевдонима, причем, взятого совсем недавно и специально для меня. Странный он был тип – худощавый, светловолосый, аккуратно подстриженный, а вообще неброской внешности, только взгляд колючий, будто сквозь собеседника.

Я как-то обратилась к нему по имени-отчеству, а он задумался и глянул на меня своими водянистыми серыми глазами, будто хотел спросить: «А-а... вы кто? Чего надо?» Потом опомнился и ответил на мой простенький вопрос по поводу расписания занятий с Артуром.

Госпожа Сосновская однажды при мне назвала мужа Леоном, и частый гость их дома называл его так же. Иностранцы с русскими корнями и замашками обиженных аристократов. Ну-ну...

Имени гостя я не знала, но мне запомнилась яркая внешность южанина – смуглое лицо с черными бровями и выразительные «маслиновые» глаза. Он приезжал к Сосновским два-три раза в неделю, надолго запирался в кабинете с Леоном.

По словам самого Артура, они там обсуждали какие-то акции, из чего я сделала вывод, что Сосновский старший занимается биржевым трейдингом. Работа нервная, суетливая, сопряжена с большим финансовым риском, оттого Леон-Леонид часто неразговорчив и хмур.

В тот памятный понедельник после наших занятий я не спешила на автобусную остановку. За пару недель мы крепко сдружились с Артуром и, закончив с правописанием гласных, обычно беседовали обо всем интересном. Я вообще люблю возиться с ребятишками, мне не раз прочили карьеру чуткого педагога. Может, заслужу признание как раз в этом маленьком городке.

Артур сегодня был непривычно оживлен, на стуле вертелся и даже рот рукой зажимал, а я терпеливо ждала, пока начнет делиться новостями. На Тау-Кета опять напали паразиты с Веги, или Риддику не удался очередной побег из застенков? Я подыграю любой смелой задумке.

– Ева Александровна, я знаю один страшный секрет! Хотите, расскажу?

И не дожидаясь моего согласия продолжил:

– У нас в подземном этаже теперь живет пришелец с дру-

гой планеты. Его достали из разбившегося космического корабля, он был тяжело ранен. Папа с Роуди вылечат его и отправят обратно. Только надо увезти его отсюда в безопасное место.

Делаю испуганные глаза, а про себя думаю: «Фантазия у ребенка работает что надо, ему бы рассказы начать писать, заодно и с русским языком улучшится ситуация. Надо взять на заметку этот творческий прием»

Начинаю развивать тему:

– Тебе папа про пришельца сказал? А может, ты сам его видел?

– Нет, я не видел, – вздыхает Артур. – Это большая тайна, никому нельзя говорить, иначе нас тоже поймают и посадят в клетку. Или куда-то выгонят. Я сказал только вам, потому что вы хорошая и тоже верите в жизнь на других планетах.

М-да... у Артура теперь есть личный космический гость в подвале коттеджа. Ну, что ж, у девочек этого возраста дома обитают выдуманные милашки – пони из популярных мультсериалов или говорящие куклы Барби, пройдет со временем.

Но Артур уловил мое скептическое настроение и даже обиделся:

– Вы мне не верите, а я не лгун! Я сам слышал, как папа говорил о нем с Роуди! Они закрыли пришельца в подвале, чтобы он не сбежал, а потом увезут...

– А где же они его нашли? В лесу подобрали? – серьезно уточняю я.

– Они выкрали его из плохой больницы! И хотят увезти в другую, которая далеко отсюда, только через границу будет сложно пробраться, нас могут арестовать враги – так сказал папе Роуди. Я сидел за креслом и все слышал. Роуди – противный, папа не любит его, потому что шантажист.

Я глаза вытаращила. Ничего себе – выдумал! Прямо детективный триллер. Шпионские страсти.

– А еще что он папе твоему сказал?

– А еще... – мальчик от волнения покраснел, – а еще сказал, что пришелец очень опасен и если не получится его увезти, то придется здесь закопать... Но как же так, Ева Александровна!

Заметив слезы на глазах Артура, пытаюсь неловко утешить:

– Ты сильно не переживай! Папа у тебя взрослый, умный... «совсем дураки-то, наверно, не живут в роскошных особняках Подмосковья», он непременно что-нибудь придумает и все будет хорошо... для всех.

– И для космолетчика тоже?

В глазах Артура загорелась надежда.

«Милый ты мой, добрый паренек!»

– Конечно! За ним скоро прилетит другой корабль, пришельца обязательно заберут на родную планету. То есть сначала подлечат у нас и отправят восвояси с подарками.

Вскоре чопорная гувернантка увела Артура на музыкальные занятия, а мне предложили выпить чашечку кофе с кро-

хотными бутербродами. В другой день я бы, пожалуй, не отказалась от пикантного перекуса, тем более, что мини-ломтик красной рыбки заманчиво смотрелся на фоне мини-листочка салата, но рассказ мальчика о пленнике в подвале меня заинтриговал. Ведь не могут Сосновские держать в подвале человека против его воли? А если это не человек...

Пару минут я честно убеждала себя просто покинуть дом, но мысль о том, что могу стать невольной соучастницей преступления, пропустив тревожный сигнал, не давала покоя. Слишком много в прессе появилось жутких историй о мафиях с оборудованными подземными гаражами, где томились несчастные жертвы.

Чтобы очистить совесть, я совершила смелый поступок, а именно, спустилась на первый этаж и, не встретив никого из obsługi, по удобным широким ступеням сошла в подвальное помещение, где должны были находиться прачечная и кладовая. Расположение комнат мне запомнилось еще с первой экскурсии по дому, настолько впечатляли его масштабы и обстановка.

У меня не было никакого плана. Разве что я надеялась встретить Сосновского и немного поговорить о новых фантазиях его сына. Артур искренне верит в пришельца и очень волнуется, надо ему помочь, не выдавая того факта, что от скуки и одиночества он любит подслушивать разговоры взрослых в этих дворянских хоробах.

Надо поднять вопрос о посещении городских центров

для подростков, записать Артура в спортивную секцию, наконец, или сводить в шахматный клуб, который все лето работает при школе, там отличный руководитель.

Я немного постояла у входа в подвал и осторожно толкнула двери. К моей неожиданности они бесшумно приоткрылись, словно приглашая внутрь. Впереди показался слабо освещенный коридорчик, еще одна дверь справа вела в гладильную комнату. Я прошла еще немного вперед и вдруг услышала приглушенные мужские голоса.

Какой конфуз случится, если меня тут заметят! Кажется, для скромного репетитора я веду себя слишком дерзко, и потому не придумала ничего лучше, как отступить назад и юркнуть в открытую дверь справа, чтобы затаиться там в полной темноте. После пары минут тишины неподалеку звякнули ключи и послышался сердитый голос Леона:

– Нужно скорее что-то решать! Они в любой момент могут выйти на меня. Я не хочу рисковать, у меня здесь жена и сын. Увези его в другое место, прошу тебя! Ты же обещал!

– Со мной скоро свяжется Бруно. Он его и заберет, – уверенно отвечал тот самый частый гость, которого Артур называл Роуди.

– Я больше не могу ждать! – хныкал Сосновский. – Если сюда приедут из ведомства, то просто депортацией я уже не отделаюсь. Меня измучат допросами. У них отвратительные тюремные условия.

– Думаешь, мне хочется руки марасть? – шипел Роуди. –

На кону не только деньги, но и моя репутация. Если до ночи Бруно не даст о себе знать, я просто усыплю эту тварь. А потом тело сожжем и не останется никаких улик.

– Я не могу ждать до утра! Дом может быть под наблюдением, скоро нагрянет полиция, здесь проведут обыск. Сделай то, что обещал! Три дня прошли... мы обговаривали только этот срок, помнишь?

– Хорошо! Возьми уже себя в руки. Еще пару часов придется потерпеть, а потом я приду и сделаю зверюге укол.

– Договорились!

Мне понадобились несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Неужели Артурчик был прав и в подвале томится настоящий инопланетянин, а двое иностранных агентов хотят его вывезти за пределы России и продать подороже? Возможно по частям, как святые мощи.

Что мне делать с этой информацией? В полицию позвонить или ФСБ? Других вариантов нет. Ага! Так и поступлю, вот только бы выбраться отсюда невредимой.

И тут я услышала щелчок закрывшейся неподалеку двери. Выждав еще немного времени для подстраховки, я высунула нос из комнаты и остолбенела от страшной догадки. Леон Сосновский со своим дружкой ушли наверх, а меня ненароком заперли в подвале.

Подтвердив свое предположение, я села на ступеньки, ведущие к двери наверх, и попыталась успокоиться. Хорошо еще свет в коридорчике по-прежнему тускло горел, а то и во-

все было бы жутко.

Когда первые эмоции немного схлынули, я начала рассуждать логически. Если Леон со своим дружкой найдут меня здесь, вряд ли отпустят живой случайную свидетельницу. Даже если я буду умолять о пощаде и попрошу стереть память... Я вытерла слезы и медленно направилась вперед по коридору, чтобы хоть одним глазком взглянуть на настоящего инопланетянина. В первый и последний раз в жизни.

Через пятнадцать метров коридор вывел меня к небольшой прямоугольной комнате, где также горел приглушенный рассеянный свет. Затаив дыхание, я подошла ближе к странному постаменту в углу, похожему на операционный стол, – здесь находилось какое-то живое существо, привязанное к лежанке.

Сердце у меня бешено стучало, я же сейчас пришельца увижу – гостя из космоса! Представить себе не могла такого происшествия в моей жизни. Но вскоре меня охватило удивление и даже легкое разочарование.

Распластанный на столе субъект уж очень напоминал обычного взрослого мужчину. Я с трепетом душевным ожидала лицезреть голого тщедушного гуманоида с большими печальными глазами и крохотным ротиком, а передо мной лежал здоровенный мужик, причем сильно заросший.

Волосы у него были светло рыжего оттенка, длинные и растрепанные, такая же рыжая щетина на лице, а еще курчавыми золотистыми волосами были обильно покрыта его

грудь, узкая полоска рыженьких завитков ныряла в короткие шорты, а открытые ноги тоже были волосатыми.

Я, честно сказать, не очень много видела вблизи раздетых мужчин, но, судя по моему отцу и Олегу, судя по просмотренным мною кинофильмам – таких «рыжих волосатиков» на Земле не бывает.

А потом я встретилась с ним взглядом и отшатнулась. Пришелец смотрел на меня с нескрываемой злостью, да еще показал зубы и чуть ли не зарычал. Мне безумно захотелось сбежать из этой душегубки, но мысль о закрытой двери охладила порыв.

Чего бояться, Рыжий надежно привязан, а вот когда вернется царь Леонид со своим «суровым спартанцем», мне точно не поздоровится. Они меня усыпят и сожгут вместе с космонавтом. Я закрыла лицо руками и всхлипнула.

«Домой хочу, в свою крохотную кулебакскую квартирку на пятом этаже, прямо под раскаленной на солнце крышей!»

– Помоги мне освободиться!

Жесткий голос отвлек от приближающейся истерики. Я устала на лежащего пришельца с некоторым почтением.

«Он, оказывается, продвинутый пользователь русского языка. Приятный сюрприз. Хоть поболтаем перед смертью...»

– Там, внизу под кушеткой есть кнопка, нажми и потяни за ремень...

Он мне приказывает? Вдруг применит межгалактический гипноз или какие другие «марсианские» штучки... Ага! Сейчас я его освобожу, а он из меня энергию высосет или просто улетит как Джиперс-Криперс из классического ужастика.

С другой стороны, я его прекрасно понимаю, погибать вот так унижительно от рук землян ему не хочется, он ищет любой шанс на спасение. А может, мы договоримся, раз уж в одной лодке оказались, то есть в одном подвале.

– Допустим, я могу вас освободить, а что вы потом собираетесь делать?

– Мы вырвемся отсюда.

Это уверенное «мы» меня обрадовало, значит, он не собирается причинять мне вред, хотя, могу ли я ему верить, вот вопрос первой степени важности. И у меня есть менее получаса, чтобы принять судьбоносное для нас обоих решение. Потом сюда вернутся иностранцы, закамуфлированные под новых русских дворян и нам конец.

– Как вы здесь оказались? Как они вас поймали?

– Много вопросов! Освободи мне руки.

«Ничего себе заявление!»

– А почему вы решили, что я пришла помогать? Вдруг я из любопытства здесь или наоборот, хочу доставить вам неприятности.

Рыжий несколько секунд смотрел на меня в упор блестящими желтоватыми глазами.

– Тогда начинай!

– Э-э... что начинать? – спросила внезапно осипшим голосом.

– Если ты пришла, чтобы причинить боль, можешь начинать, я готов, – мрачно признался он.

Глава 3. Спасение

Мне по-человечески стало его жалко. Так жалко... просто нет слов. Я представила, как эти «Леоны-Роуди» притащили его сюда раненого и растерянного, ничего не объяснили, плохо с ним обращались, мучили и обижали, издевались и оскорбляли.

Вот тебе и контакт с инопланетной цивилизацией... Ни цветов, ни оваций, засунули пришельца в холодный погреб, да еще и грозятся продать как арабского жеребца, кто больше даст на черном рынке за живого инопланетянина. Торгуются, гады!

В кои-то веки на территорию России приземлился НЛО, как тут же иностранная разведка набежала и космопилота перехватила в свои жадные ручонки.

Не-е-ет, Рыжего надо срочно спасать! Самое разумное – это позвонить в справочную и узнать «горячую линию» ФСБ. Приедут ребята в форме и нас вытащат, может, обо мне потом даже снимут репортаж со слоганом:

«Простая кулебакская учительница вырвала космического гостя из „лап“... (ну, как-нибудь культурненько обзовут Сосновских, чтоб до международного скандала не доводить. Мы же в любом политическом диалоге стараемся вежливое лицо сохранить, чтоб, не дай Боже, не записали в дикари с дубиной).

Однако меня ожидал неприятный сюрприз – связи не было, видимо, сказывалось расположение подвала ниже уровня земли и его толстые каменные стены. Бункер вполне мог сойти за бомбоубежище.

Понимая, что надеяться на помощь доблестных спецслужб нечего, я снова приуныла. Мне оставалось только одно – выполнить последнюю просьбу горемычного пришельца и позволить ему умереть с развязанными руками и гордо поднятой рыжей головой.

Я осторожно наклонилась над металлическим столом, провела рукой по его внутреннему краю. А там быстро нащупала что-то вроде приборной панели и нажала подряд все кнопки, которые попались под мои дрожащие пальцы. Раздался тоненький писк, после чего широкие ремни, удерживающие запястья мужчины, мягко разошлись и повисли по обе стороны от «прокрустова ложа».

Я отскочила в сторону и теперь с волнением наблюдала, как, поднявшись, Рыжий освобождает свои щиколотки от подобных креплений. Спустя минуту он уже стоял на ногах рядом с кушеткой и оглядывался по сторонам, не обращая на меня особого внимания.

А я забила в угол на удачно подвернувшийся пластиковый стульчик и во все глаза смотрела за тем, как пришелец мечется по комнате, все вокруг разглядывая, ощупывая и, вроде бы даже обнюхивая.

Потом он сбегал в коридор и, наверняка, изучил там каж-

дый сантиметр пространства, заглянув в гладильную и проверил двери. Наконец закончил свой осмотр и подошел ко мне.

– Твое имя?

– Меня зовут Ева. А вас?

– Я – Райс! С какой целью ты сюда пришла? Какое у тебя задание?

Я немного опешила от такого натиска. У меня ведь сначала не было никаких целей, кроме желания убедиться в порядочности работодателя. Это уж потом героизм взыграл, захотелось сохранить редкого гостя с другой планеты. Я почему-то была уверена, что у нас его никто не обидит, мы ему даже «летающую тарелку» попробуем починить и отправим обратно на...

– Скажите, пожалуйста, откуда вы прилетели? – выдохнула я.

– Отсюда не видно, – буркнул он.

«Кто бы сомневался!»

– Ты не ответила на мой вопрос. Зачем ты меня освободила? Что тебе нужно?

И тут меня будто прорвало – в течение пяти следующих минут я сумбурно объясняла, как оказалась в подвале и какая огромная опасность нам угрожает после возвращения Роуди со шприцом.

Пришелец недолго обдумывал полученную от меня информацию, а потом на его лице отразилось явное удовлетво-

рение.

– Бояться нечего. Я справлюсь.

Здравый смысл мне подсказывал, что шпионов должны хорошо готовить в специальных учреждениях. Они там проходят долгие упорные тренировки, их учат борьбе и хитрым приемам, так что этому Раю придется не сладко.

Я еще раз более внимательно пробежалась взглядом по инопланетному торсу.

«Вроде, не хилый, скорее наоборот, вон какие мускулы на руках и ногах бугрятся, а на животе самые настоящие „кубики“». У Олега были почти такие же, я отлично знаю, сколько надо тягать «железа» и делать упражнений в тренажерке, чтобы заработать такой рельеф.

Надеюсь, он и дерется здорово. Если действительно гость с другой планеты, то по сути – космонавт. У нас их качественно готовят. Помните старую поговорку о лентяях, трусах и слабаках: «Таких не берут в космонавты!»

Хм... а вдруг на Плутоне прогресс и в Межпланетное пространство летают все, кто права на звездолет получил? В критической ситуации я старалась найти кучу причин для шуток, саму себя подбодрить. В глубине души у меня, конечно, были серьезные сомнения насчет внеземного происхождения этого парня, но сейчас не до нюансов, главное ему помочь и самой не пропасть.

Мои раздумья прервал раздраженный голос Рыжего:

– Перестань дрожать! Я вытащу тебя отсюда. Вместе уй-

дем.

Его уверенность немного ободрила меня, появилась надежда на спасение. Под пристальным взглядом пришельца я попятилась обратно к своему стулу и плюхнулась на жесткий пластик сиденья. Рыжий снова убрался в коридор, а я начала представлять, как могут развиваться события дальше.

А что, если этот верзила меня вытащит из подвала, уведет с территории коттеджа, засунет в свой летательный аппарат, он же у него где-то остался, а потом заберет на свою планету?

Меня никогда не впечатляли истории о похищенных с земли людях, думала – чьи-то нездоровые выдумки или розыгрыш, но вдруг часть из них правда?

Совершенно не устраивает перспектива покинуть Землю даже с дружеской миссией. Надеюсь, выберемся отсюда и расстанемся по-хорошему. Руки друг другу пожмем, я ему доброго пути пожелаю.

От стрессовой ситуации у меня фантазия разыгралось.захотелось вообразить, что парень прилетел именно с Плутона. Это ведь самая удаленная от Земли планета из всех мало-мальски изученных, самая загадочная. Там вполне может существовать древняя цивилизация. Из таких вот рыженьких Райчиков.

Я предпочла бы такое развитие событий: мы выбираемся отсюда вместе и разбегаемся. Я возвращаюсь домой, пришелец – на свой космолет. Нет, он, естественно, может остаться и погостить. Примут Рая у нас на самом высшем уровне,

сведут с президентом, журналисты набегут... Мировая сенсация! Может, после столь теплого приема, к нам вообще поток космотуристов направится.

Хотя сама возможность реального контакта с внеземным разумом для меня еще час назад была сказкой. Оказывается, в любой момент может произойти что-то совершенно невероятное, что-то за гранью возможного.

А потом меня реально затрясло. Мысли в голове совсем перепутались, о чем я думаю вообще – какие туристы с других планет, здесь назревает серьезное преступление. Рай ведь не шутит, ему надо жизнь свою спасти, а заодно и мою.

Я обхватила себя руками и стала нервно покачиваться на своем стуле. Рай стоял у стены напротив и продолжал смотреть на меня. А потом вдруг насторожился и согнулся чуть ли не вдвое.

– Тише! Сюда идут. Сядь на пол и не шевелись. Закрой лицо руками, чтобы не видеть.

Я сползла на холодный пол, зубы стучали друг о друга, сквозь буханье пульса в висках я слышала легкий скрип открывающейся сверху двери, а потом приближающиеся шаги. Я старалась глубоко дышать и медленно выдыхать воздух, чтобы успокоиться.

Раздался еще один странный звук, похожий на сдавленный хрип и потом мне почудилась возня у той стены, где находился Рай, слева от коридорчика. Вскоре все стихло.

Когда я наконец осмелилась открыть глаза и приподнять

голову, пришелец уже укладывал безжизненное тело Роуди на стол-кушетку. На моих глазах, а точнее в моем присутствии человек лишился жизни. Я понимала, что это была вынужденная мера вроде самообороны, мне ни капли не было жалко торговца инопланетянами, но...

Неожиданно меня затошнило. Я вообще против любого насилия, сама очень боюсь боли. Краем глаза видела, как Рай пристегивает бывшего мучителя к ложу. А потом повернулся ко мне.

– Нужно уходить!

Самое правильное решение – убраться отсюда и поскорее. На волю, на свежий воздух.

Только вот засада – я не могла встать сама, руки и ноги совершенно ослабели. Рай чуть ли не за шиворот грубо поднял меня и повел-потацил к выходу.

Мы без помех выбрались из подвала и вскоре оказались во дворе. Я и раньше замечала, что в таком большом доме одновременно находится крайне мало людей, зачем-то начала вслух деловито вспоминать.

– Леонид и его супруга. Мальчик – Артур. Гость – Роуди. А из персонала только повар, домработница и гувернантка. Больше я никого не знаю. Даже охранника у ворот не было, а большого лохматого пса непонятной породы кормил сам хозяин. Пес жил в роскошном домике возле небольшого водоема с желтенькими кубышками, целыми днями сидел на цепи.

Высокие металлические ворота усадьбы выглядели бронебойными, запирались на мудреный замок. Небольшая калитка сбоку от парадного входа, служившего также для проезда машин, открывалась автоматически по звонку.

Приезжая на занятия к Артуру, я всегда неприятно долго ждала, когда же мне откроют эту маленькую дверцу с замысловатым вензелем на решетке. Полагаю, где-то рядом с калиткой находилась и камера наблюдения. А как же иначе...

«Угораздило попасть в цитадель!»

Своими опасениями я немедленно поделилась с Раем.

– Если пойдем к дверям, нас сразу заметят! Думаю, у Леона есть оружие.

– А с чего ты решила, что мы пойдем к воротам?

Рай внимательно оглядел всю прилегающую к углу дома территорию, и я снова всхлипнула:

– У них здесь везде могут быть камеры понатыканы, нам лишь бы выбраться за забор...

Кажется, мои слова помогли ему принять важное решение. Рай вдруг смерил меня скептическим взглядом, а потом задал совсем неуместный вопрос:

– Что у тебя под юбкой?

Я чуть не упала! Если такой озабоченный, может, пусть лучше меня Леон схватит, попытаюсь соврать, что я не при чем, просто мимо шла и тоже являюсь жертвой обстоятельств.

Даже не успела ничего ответить, когда Рай попросту за-

драл на мне юбку чуть ли не до пояса, а потом зачем-то сел передо мной на корточки, повернувшись спиной.

– Залезай, я сделаю это гораздо быстрее.

Мне хватило ума сообразить, что нужно просто сесть к нему на спину и крепко обхватить за шею и за талию. Действительно, при моей узкой и длинной офисной юбке держаться за него ногами было бы совершенно невозможно. Предусмотрительный астронавт.

Я уткнулась носом в растрепанную рыжую гриву, и тут Рай сорвался с места. И плевать мне было на голые ноги, на мои выставленные на обозрение камер белые трусики. Я замерла от страха, поскольку совершенно не понимала, какой у него план.

Пробить головой высоченный крепкий забор... телепортироваться с другой стороны забора... очень уж Рай уверенно двигался вперед. Наверняка знает, что делает.

Но когда он подпрыгнул и по-кошачьи ловко начал карабкаться на железную стену перед собой, я не сдержала вскрик. Ответом мне было только жуткое ворчание. Я зажмурилась, пытаюсь выплюнуть изо рта его волосы, и громко чихнула. Но тут же поняла, что стою на земле по ту сторону усадьбы Сосновских, а две мускулистые руки поправляют мою сбившуюся одежду.

Ноги у меня дрожали, оттого я бесцеремонно впилась пальцами в плечи Рая и почти навалилась на него всем телом. «Вот это прыжок!»

Потом, конечно, отцепилась от спасителя и стала думать, как действовать дальше. Приближались сумерки, я достала из сумочки телефон – ничего себе, почти девять вечера! До остановки, где можно сесть на проходящий до Кулебак автобус еще пилить и пилить из этой «Дубовой сказки», а Рай теперь куда пойдет? А если с минуты на минуту прибьет неведомый Бруно со товарищи, которого так горячо ожидал Леон?

Мне этот Бруно уже виделся одноглазым гангстером-террористом, которого давно и безуспешно разыскивает Интерпол за нелегальную торговлю заблудившимися пришельцами. А если они опять поймают Рая, один-то раз у них это получилось... От экстремальных условий знакомства я обращалась с Рыжим без церемоний.

– Ты пойдешь со мной! Спрячешься у меня в квартире.

Надолго ли... Леон жив и здоров, обнаружит тело Роуди в подвале и сведет концы с концами, кто бы мог освободить «лунатика». Еще решит, что я суперагент ФСБ, работала у него под прикрытием учителя русского языка. Хотя, может, это и к лучшему. Тогда у пана Сосновского не будет желания искать меня по тому адресу, что указан в паспорте. А ведь Леон в первый же день нашего знакомства снял ксерокопии всех моих документов.

Итак, первая задача – добраться с Раем до моей квартиры и связаться с компетентными органами. Как плохо все-таки оказаться одной на целом свете, одной в чужом городе, даже

посоветоваться не с кем, когда под самым носом намечается мероприятие межпланетного масштаба.

Эх, был бы у меня отец! Да что отец... Он как раз в полном порядке, воспитывает сына, тот, наверно, школьник уже. Сын для мужчины – это важно, а я так... побочный продукт первого брака. Кажется, сейчас снова заплачу, а раскисать нельзя – Рай смотрит напряженно.

– Ушиблась? Где? Покажи!

«Ну, прямо забота ходячая!»

А вообще приятно. Я долго анализировала свой прошлый год и пришла к выводу, что Олег ко мне относился уж слишком потребительски. Хоть и говорят, что в любви любит только один, а другой позволяет себя любить. Признаю, что я больше любила и даже поначалу была счастлива, и если бы не сверхвысокие запросы Олега по поводу образа «все успевающей, идеальной хозяйки крохотного унылого мирка»...

– Со мной все в порядке! Надо поторопиться, пока совсем не стемнело, – вяло пробормотала я, и Рай недоверчиво хмыкнул.

Через двадцать минут мы выбрались с территории закрытого коттеджного поселка и оказались на трассе. Я была рада надвигающейся ночной темноте, потому что спутник мой выглядел, мягко сказать, экзотически. Ну, во-первых, он был в одних шортах, а во-вторых... Настоящее страшилище – рыжее и волосатое! Интересно, пустят ли нас в автобус?

Подумав немного, я велела спрятаться за остановочный

комплекс и начала ловить попутку. План прост! Авто тормозит, и пока я с томной улыбкой залезаю в салон, Рай выпрыгивает из своего укрытия и составляет мне компанию.

Уже через пять минут рядом с остановкой притормозил большой темно-зеленый джип. Очевидно, жалостливый водитель захотел подвести по пути хрупкую миловидную девушку в строгой белой блузке, черной юбке и скромных балетках.

Собираясь к Сосновским, волосы я всегда забирала в высокую гладкую прическу. Пыталась выглядеть так, чтобы не привлекать внимание всяких там странных Леонов. В итоге получалась этакая деловая колбаса, только больших очков в черной оправе не хватало.

Надо же, именно стиль «придорожной секретарши» привлек внимание владельца крутой машины.

– До Кулебак подбросите! Я заплачу.

– Куда скажете, мадемуазель! И совершенно бесплатно.

Я чуть не попятилась назад. В салоне, где стоял запах сигарет и терпкого парфюма, находились два крепких мужика – оба глазели на меня оценивающе-дерзко, у водителя руки татуированы до локтя. Было совершенно не разумно садиться к ним в машину на ночь глядя. Только бы мой космонавт не сбежал куда-нибудь, пока я лезу на рожон. Медленно-медленно начала усаживаться на заднее сиденье и тут дверцы джипа вырвались из-под моей руки и рядом оказался Рай.

Автомобиль дернулся было вперед и вдруг резко остановился.

– Эй, детка! Так не пойдет. Ты – остаешься, а гиббон твой пусть ножками топает.

В следующее мгновение перед моим лицом мелькнули две большие руки, а после ладони Рая сомкнулись на горле приятеля водилы.

– Ты... поедешь... куда... она скажет!

Через десять минут мы уже приближались к городу. После затянувшегося молчания я решила дать некоторое объяснение случайным таксистам:

– Вы не обижайтесь, пожалуйста. У нас случилась большая неприятность, моего знакомого сильно ударили по голове, забрали одежду и документы. У него стресс и поэтому такое агрессивное поведение. Нам срочно нужно обратиться в полицию, заявление написать. Мы до дома доберемся, приведем себя в порядок и сразу туда.

– Полицейский наряд вам не помешает! А заодно бригада санитаров из психушки, – пробормотал водитель, искоса поглядывая в зеркало на невозмутимого Рая.

У подъезда моей пятиэтажки я пыталась всучить дяденькам единственные пятьсот рублей, что лежали в потайном кармашке дамской сумочки. Но бросив парочку нецензурных фраз по поводу нашего с Раем тандема, водитель дал деру.

Молясь про себя, чтобы никто из знакомых соседей

не встретился на лестнице, я торопливо поднималась на пятый этаж. Рай шел сзади, снова все разглядывая и обнюхивая, на четвертом этаже даже забежал вперед и подал мне руку. Пришлось ухватиться...

Глава 4. Новые планы

Только сняв обувь и приземлившись на родной диванчик, я вдруг поняла насколько тяжелый выдался у меня день. Почти равнодушно наблюдала, как Рай бродит по двум крохотным комнаткам, заглядывает на балкон, без спроса открывает шкафы на кухне и вслух комментирует их состояние.

– У тебя совсем нет еды! Оттого ты худая и слабая. Почему родные о тебе плохо заботятся? Где твой муж?

«Да уж! Мой бывший мужчина любит заботу только в свой адрес...»

Пытаюсь настроиться на беззаботно-шутливый тон, что не очень уместно в нашей сложной ситуации.

– Я одна. У меня нет мужа. Может, со временем...

– Неудивительно. Слишком маленькая и тощая. Кому ты можешь понравиться?

В голосе пришельца звучало пренебрежение. Мне стало немного обидно. Соглашусь, я порядком осунулась за последние месяцы – очень переживала о маме и с финансами, честно сказать, у меня было неважно. Но чтобы уж совсем в скелет превратиться, этого не случилось, зачем выдумывать.

Анорексия мне не грозит, я такой человек, что очень люблю покушать. Особенно вкусненькое и сладенькое – разные

котлетки с гарниром и шоколадки с орешками. И теперь, когда над душой не стоит грозная тень требовательного Олега, я могу расслабиться и даже чуть-чуть потолстеть.

А вот с деликатесами придется повременить, теперь у меня нет стабильного дохода, бункер Сосновских придется обходить стороной. Если не найдут меня сами... Грустные мысли перебиваются новым замечанием Рая.

– Как вообще могла здесь выжить одна! Никаких запасов.

Виновато развожу руками, а на душе теплеет. Его слова невольно напомнили добродушные мамины замечания.

Рай вытащил из морозилки надорванную пачку вареников с картошкой и грибами. Мои любимые. Только их и беру. Зря он ворчит насчет пустых полок. Я твердо знала, что где-то в холодильнике у меня есть кусочек сыра и полбаночки сгущенного молока. Обожаю кофе со сгущенкой!

А вот хлеба, кажется, нет. Осталась лишь половинка засохшего лаваша в пакете.

– Не волнуйся! Теперь буду присматривать за тобой и едой обеспечу, – обещает Рай.

Улыбаюсь и быстро отворачиваюсь, настолько трогательна его наивная уверенность. До сих пор не могу поверить, что у меня дома хозяйничает космонавт. На самом деле я жду, что Рай вот-вот повернется и сознается в нелепом розыгрыше. Или я сплю и вижу кошмар. То, что случилось недавно в подвале Сосновских иначе не назвать.

Я поставила на газовую плиту кастрюлю с водой, бросила

щепотку соли.

– Гостей не ждала, поужинаем, чем бог послал. Уж извините, что не могу оказать вам достойный прием, господин Рай.

Интересно, какая у него фамилия? Но мои раздумья прервал раздраженный голос:

– Я здесь один, и я не господин. Меня зовут Райс! Я тебе это уже говорил, у тебя плохая память?

«Так, спокойно, спокойно... Только не дергаться».

– Хорошо, давай будем на «ты», а насчет имени... Можно называть тебя Раем? Мне нравится это слово, оно само на язык просится... Но если по каким-то причинам тебе неприятно, я буду говорить, как ты хочешь. Это же твое имя, в конце концов.

Немного помедлив, решила внести важное дополнение:

– Я тебе помогла, разве не могу рассчитывать на небольшие привилегии? По-дружески, так сказать.

– Хорошо, можешь звать меня Раем. Но ты мне не друг.

Ничего себе заявление, как же так? Может, я и случайно оказалась в том подземелье, но потом рисковала жизнью – спасла его хотя бы тем, что отстегнула от лежака. И в результате не заслужила даже малейшей благодарности?

А вдруг он считает меня примитивной землянкой, читает мои мысли, видит насквозь умственно-культурный багаж всех моих двадцати шести «с хвостиком»? Я набралась смелости и решила прояснить ситуацию.

– Мы даже в принципе не можем быть друзьями, да? Слишком разные уровни развития?

«Интересно, где бы ты сейчас был без моего сочувствия и участия...»

– Конечно, нет! – уверенно заявил Рай. – Откормлю по-лучше, замуж возьму.

Вот это он учуди-ил! Смешно и жутко одновременно. Но почему-то больше смешно.

– А женщин ты в друзья не записываешь? – поддела я.

– Женщина – это женщина! У нее другое назначение. Семья, дом, дети...

Рассуждает как доминирующий самец из Каменного века, ей-богу. Высокотехнологичные летательные аппараты они, значит, строить научились, а вот с равенством полов загвоздка. Там, где превалирует сухой математический расчет, в зачатке чувства и эмоции, а еще есть «горе от ума».

У меня противно похолодели руки, вдруг пришла в голову гадкая мыслишка, не поспешила ли я оказывать помощь. Может, надо было искать другие пути... Нет, мне бы даже из подвала не выбраться самой.

– Слушай, а если не соглашусь стать... ну, твоей женой? Я же могу иметь другое мнение по этому вопросу. Ты ведь не собираешься меня... э-эм... заставлять?

Он уставился на меня своими удивительными глазами, теперь, при ярком электрическом свете, они показались янтарными, блестящими и очень красивыми.

– Я не буду торопить, сначала докажу, что сумею стать тебе хорошей опорой в жизни.

Вообще-то его слова мне польстили. Неумелое ухаживание или, напротив, очень тонкий тактический ход? Надо быть осторожнее.

Я медленно перевела дыхание и как можно спокойнее сказала:

– Вот как предлагаю поступить: пока вареники еще не готовы, можешь помыться в ванной, правда, у меня не во что тебе переодеться, но сейчас отыщу отцовский банный халат, он должен подойти.

Папа у меня высокий и крупный мужчина, склонный к полноте. Уехав от мамы, он забыл забрать свой махровый халат, кстати, ее же подарок. А может, нарочно оставил, кто знает? Но факт в том, что с этой вещицей мама сама ни в какую не хотела расставаться. Представляю, как она много раз плакала тайком, прижавшись к мягкой ворсистой ткани, жалела отца. Не смотря ни на что – любила и жалела до последнего дня своей жизни.

Я отыскала в шкафу халат и спровадила Рая в ванную комнату. Через пару минут вынула вареники на блюдо, где уже ожидал чудом обнаруженный в холодильнике кусочек сливочного масла. Позже придумаю что-нибудь еще, рискну до круглосуточного магазинчика сбегать.

Теперь самое ответственное мероприятие. Пока Рай не стоит над душой, я должна сделать один важный звоно-

чек доброму соседу с первого этажа, последнему поклоннику моей дорогой мамочки. Валентин Игоревичу всю жизнь проработал в милиции, а сын у него и сейчас служит где-то в структуре «ОМОН».

– Добрый вечер, это Ева... да, с пятого этажа, дочка Надежды Николаевны... вы оставляли номер телефона. Узнали? Валентин Игоревич, простите, что поздно беспокою, у меня очень важный вопрос.

Я сбивчиво и, пожалуй, чересчур эмоционально изложила цепь своих сегодняшних приключений, а в конце задала риторический вопрос: «Что же теперь делать?»

В телефоне долго царило молчание, и я запаниковала:

– Послушайте меня, я не шучу. Сегодня не первое апреля! Я не пью, не под наркотиками, я абсолютно вменяема. Валентин Игоревич, мы с вами уже общались, вы меня поддержали с мамой, сказали обращаться в случае любой проблемы. Не бросайте сейчас... Я в сложной ситуации и очень боюсь.

– Евочка, успокойся. Я сейчас поднимусь к вам, – после короткой паузы в трубке раздался знакомый старческий голос.

– Подождите. Не уверена, что надо звонить в отделение полиции. Меня же на смех поднимут и еще отругают. Я говорю правду! Надо обращаться на самый верх, это дело государственного значения. Не отмахивайтесь, пожалуйста, я не сошла с ума, я не шизофреничка.

«Он мне не верит... Господи! Что же делать... Сейчас сюда бригада санитаров придет, чтобы забрать меня в психодиспансер и Рая заодно попытаются скрутить. А он их раскидает и убежит... И его потом опять поймают какие-нибудь сволочи...»

– Евочка, я тебя услышал. Я тебе верю. Сейчас позвоню старым знакомым, посоветуюсь и свяжусь с тобой, ладно? Только из квартиры никуда не уходите с приятелем. Хорошо?

Я хотела уже прошептать с горькой обидой, что Рыжий мне никакой не приятель, а набивается в мужья, но сотовый вылетел из пальцев и смачно вписался в противоположную стену. Дальше я увидела прямо перед собой разъяренное лицо Рая. Голый, мокрый, со слипшимися в сосульки волосами, он навис надо мной и зашипел в лицо:

– Кому ты сейчас звонила? Отвечай! Кого ты сюда звала?

– Тихо-тихо... Только без рук! Сам подумай, мы не можем здесь вечно сидеть, нас могут найти те, кто держал тебя в подвале. Ты убил одного, но Леон остался, подмогу вызовет, и подельники явятся сюда. Леон знает, где я живу. У них будет оружие...

– Я сумею тебя защитить!

– Такой крутой, да? Как же сам-то оказался связанным на столе? Они бы уже сейчас твой пепел закапывали в укромном уголочке сада. Как смог попасть им в руки, раз такой боец? – орала я прямо в янтарные глаза, стараясь не опускать

взгляд ниже, не думать о том, что у дивана скоро натечет лужа с его мокрого тела.

Ничуть не стесняясь наготы, Рай принялся объяснять:

– Сначала сбили мой самолет, их было слишком много... я катапультировался поздно, парашют раскрылся у самой земли. Я не надеялся, что смогу выжить. Плохо помню, что было потом, тебе не надо знать подробности.

Сердце пронзила жалость к нему, сразу захотелось утешить и поддержать, насколько это в моих силах.

– Понимаю, ты был ранен и не смог им противостоять.

Меня охватило сомнение. Рай говорил немножко не так, как должен был выражаться инопланетный гость в моем представлении – уж слишком «земными» терминами: «самолет», «парашют».

А может, нарочно, адаптирует язык до моего уровня понимания, считая нижестоящей по лестнице эволюции. Ну и что! Я просто хочу ему по-человечески помочь. И когда он вернется «туда, к себе», пусть расскажет всем, что среди землян есть и хорошие и плохие, как в любой точке Галактики. Видно, так уж устроен мир.

А я бы очень хотела, чтоб он вернулся. Все должны возвращаться туда, где их дом, родина, корни... Туда, куда тянет до бессонной тоски, где любят и ждут. Это правильно.

Но бывает и так, что твой дом разрушен, а на твоей родной земле идет страшная война. Бывает так, что ты вынужден бежать, ты изгой для «своих» и тебе нужно искать новое при-

станции. Я ведь ничего не знаю о Рае. Может, он – одинокий космический путешественник и наша Земля станет ему новым домом. И со временем мы бы с Рыжим непременно подружились. Мы ведь уже один раз спасли друг друга.

И без всякой там навязчивой идее о детях. Я сейчас не готова к серьезным отношениям, уж тем более с представителем инопланетной цивилизации. А несерьезных отношений тем более не хочу. Мне нужна основательная передышка. Я должна быть уверена в том человеке, что будет со мной рядом близко-близко. Иначе просто не смогу.

– Не похоже, чтобы ты нормально помылся, чего выскочил? – дрожащим голосом упрекнула я.

– Я услышал твои уговоры по телефону, ты была расстроена, собиралась реветь.

– И поэтому ты разбил мой сотовый о стену! Спасибо большое – удружил. Не надо передо мной тут разгуливать во всей красе, иди обратно в ванную.

– Я не нашел мыло и бритву. У тебя нет ничего нужного. И холодильник пуст. Ты почти голодаешь. А мне говорили, что в стране хватает продовольствия. Неужели, вранье? – напрыгся Рай.

– У нас все есть, не переживай, просто я живу одна и мне много не нужно.

«И правда, как же я без тебя дотянула до этой минуты... Вся-то в лишениях...»

Я устала. Кажется, я так устала, что даже не хочу есть. Во-

обще ничего не хочу, разве, что только снять узкую официальную одежду, принять душ, натянуть на себя домашний костюмчик и залезть под одеяло. Если смогу хоть немного подремать, непременно станет лучше, я себя знаю.

Но сейчас надо проводить этого чудика в мою скромную купель, достать с полочки в ванной шампунь и жидкое мыло с кокосом на этикетке. Да, еще бритву ему свою предложу, может, он будет себя чувствовать комфортнее, когда удалит с лица рыжую щетину.

Выезжая утром к Сосновским, разве могла я предположить, что вечером буду ухаживать у себя в ванной за голым инопланетным мужчиной. А то, что это был настоящий мужчина... гм... я, конечно, старалась не приглядываться, но анатомия пришельца не отличалась от человеческой.

– Хочешь, я сама тебе волосы помою, ты просто глаза закрой и откинься назад, чтобы пена в глаза не попала.

А он даже слушаться умеет... еще бы, когда тебе головушку нежно массируют, кто же откажется в здравом уме. Правда, больше я ему ничего мыть не собираюсь, пусть не надеется.

Это невероятный сон! Закатав рукава блузки, я смываю ароматную пену с длинных рыжих волос малознакомого мужчины, а тот закрыл глаза от удовольствия и улыбается во весь рот. Честно сказать, не такое уж страшилище в итоге. А если его побрить...

Из этических соображений трясущимися руками заменяю

станок в своей бритве на новый. Я сужу по себе. Как хочешь, чтобы с тобой поступали, одним словом.

Я брею Рая сама. Странные ассоциации приходят в голову – Пигмалион и Галатя. Кажется, теперь понимаю, что чувствовал древний скульптор, когда его дерзкий резец слой за слоем срывал мраморную шелуху с шедевра, к которому затем мастер воспылал безответной любовью.

Надеюсь, с Раем у меня этого не произойдет. Такое странное совпадение – Ева и Рай...

Как будто он был послан для меня специально, прилетел именно ко мне за множество километров... или парсек, уж не знаю, как правильной выразиться.

– Ты горячая, мокрая. Иди ко мне.

Я чуть не подпрыгнула на месте. Да что он себе позволяет! Подумаешь, немного расслабилась, размечталась, кстати, даже не о нем, а так... о гипотетическом принце на межзвездном корабле. Не все же принцы должны быть на белых конях или «Мерседесах». Может, я уже в другую эпоху шагнула и заказываю настоящий космолет. Мечты тоже должны эволюционировать вместе с научно-техническим прогрессом.

– Ты хочешь быть чистой. Сними одежду, теперь моя очередь тебя мыть, – продолжает ворковать Рай.

– Нет, нет... Я сама привыкла, знаешь ли. Вот тебе губка, ты ее, полагаю, тоже не нашел, вот мыло, заканчивай, надевай папин халат и приходи на кухню, там есть еда. А я займу ванну вместо тебя.

«Господи, я с ним разговариваю, как с туземцем каким-то... с аборигеном Новой Гвинеи еще до того как они там Миклухо-Маклая встретили. Сейчас-то, наверно, даже самые голозадые с айпадами ходят».

– Я тебе не нравлюсь? Что у меня не так? – допрашивал Рай.

– Ты первый сказал, что я не в твоём вкусе – тощая и бледная. И обещал меня не торопить, поэтому спорить не о чем. Помылся – выходи, не задерживай движение. Голоден – на столе вареники остывают, почти национальное русское блюдо. Прошу угощаться!

И тут он поднялся во весь свой приличный рост и, ухватив меня за талию, затащил в воду прямо в изрядно намокшей блузке и надоевшей за день юбке.

– Не бойся! Я только помогу снять одежду, раз сама не решаешься. Я не сделаю тебе ничего плохого.

С трудом пыталась собрать в кучу обрывки здравого смысла и спокойно ему объяснить, что категорически против такого обращения. Даже хотела придумать какую-нибудь ссылку на Межпланетный кодекс или Конвенцию о неприкосновенности землянок до тридцати лет, например. А дальше уже на договорной основе...

– Слушай, Рай мой неземной! Отпусти немедленно или будет хуже.

– Пытаешься мне угрожать? – удивился он. – Ты маленькая и беспомощная, с тобой рядом всегда должен быть силь-

ный мужчина.

Он уговаривал меня как несмышленного ребенка и одновременно как-то уж очень ловко расстегивал прилипшую к телу блузочку, стаскивал ее с плеч, отыскивал сзади на поясе замок юбки.

– Ты что делаешь? – взвизгнула я. – Отпусти, ненормальный!

Мои трепыхания нисколько не останавливали его порыв, напротив, вызвали добродушное ворчание:

– Я же говорил, у тебя все косточки видно.

Потом он принялся ощупывать меня с самым заинтересованным видом, да он меня попросту «лапал», вот как это правильно называется. А потом вдруг заурчал прямо как кот Васька у нашей соседки, когда ему чешут животик, только у Рая это получалось во много раз громче.

Я совсем растерялась и даже позволила ему поцеловать меня в шею и грудь как-то совершенно по-звериному облизать... Полнейшее безумие! Я опомнилась лишь, когда он стянул с меня последнюю тряпочку и попытался усадить себе на колени. В ванной было тесно для двоих.

Осознав, чем это может закончиться я начала вырываться и орать, царапала его и пыталась укусить, тогда он мгновенно прижал меня к себе, сломив всякое сопротивление.

– Я буду осторожно. Хочешь по-другому, скажи...

– Пожалуйста, отпусти! Я сейчас не хочу, я не готова, если заставишь – возненавижу. Стокгольмский синдром – не моя

тема. Рай, ты же хороший, не фашист какой-нибудь...

Мне показалось или он вздрогнул. Крепко державшие меня руки медленно разжались и переместились к моему лицу. Рай глянул на меня дикими глазами:

– Как ты меня назвала?

Ухватив робкую надежду на избавление, я прошипела:

– А как тебя назвать, насильник чертов? Я не шучу, не ломаюсь, я не собираюсь тут с тобой кувыркаться, кто бы ты там не был... Я тебя по-хорошему просила, а ты...

Во входную дверь осторожно постучали.

– Надеюсь, это наши друзья. Валентин Игоревич – мой сосед, он поможет.

– Сюда никто не войдет! – рычал Рай, пугая меня до чертиков.

– Дурдом какой-то! У себя в квартире я сама решаю, открывать двери или нет. Раскомандовался... Пусти, наконец, я хотя бы спрошу, кто там. И одень уже папин халат!

Я все-таки вылезла из ванны, неловко завернулась в полотенце и направилась к двери. Но Рай двигался невероятно быстро, он прижал меня к стене и заглянул в глазок. Я ущипнула его за локоть:

– Ну, что? Дяденьки в белых халатах? Говори, что ты видишь!

– Двое в штатском и...

Рай, кажется, усмехнулся:

– Там на лестнице специальные люди.

Это еще что за определение – «специальные люди»? Соседский голос за дверью буднично вещал:

– Ева, открой, пожалуйста, здесь дядя Валя. Все будет хорошо.

– Им нельзя верить! Нельзя! – шипел мне в ухо Рай, и я решила на крайние меры.

– Послушай-ка, будущий муж! Я давно знаю своего соседа, ну, пусть не очень давно, но сразу было ясно, что он не подлец. И мама так говорила... Поверь, я хочу тебе помочь. Да и себе тоже, мы с тобой попали в одну мясорубку. Давай держаться вместе, доверять друг другу. Успокойся, не надо ни на кого бросаться. Давай их выслушаем. Просто поговорим.

– Я открою сам, ты идешь в комнату и ждешь.

– Нет, ты начнешь драться, тебя тоже ударят, я этого не хочу!

Еще немного и разревусь, но в дверь снова тихонько поскреблись:

– Евочка, открой, я медленно зайду один, потом Сергей Павлович – он вам все объяснит. Скажи своему другу, что никто вам не причинит вреда, мы будем без оружия, он сможет проверить.

Господи, как же я устала! У меня ноги гудят. И я уже снова хочу кушать. Даже эти, наверняка, слипшиеся, давно остывшие вареники...

И вот, наконец, открываю дверь и впускаю в квартиру

двух мужчин. Потом ретируюсь в зал и встаю возле дверей в спальню. У меня сейчас одно отчаянное желание – сбросить с себя мокрое, холодное полотенце и переодеться в комфортную одежду. Думаю, минут через пять даже удастся осуществить.

Рай стоит рядом со мной в нелепом для его крепкой фигуры темно-синем халате с китайским драконом. Да-а, зрелище мы собой представляем еще то! Неудивительно, что незнакомый мужчина в неброском сером костюмчике смотрит на нас с задумчиво-ироничным видом.

– Можете меня называть Сергей. А вы, как я уже знаю, Райс? Правильно?

– Теперь я – Рай.

– Да... Хорошо. Значит, Рай.

– А вы – Ева... Напомните отчество... – обратился ко мне Серый Костюм.

– Александровна. Но можно просто Ева.

– Хорошо.

– У вас сегодня выдался непростой день, думаю, вы хотите уйти в комнату и переодеться.

– Совершенно верно.

Уже собиралась улизнуть к себе в закуток, но Рай отчего-то кинулся за мной.

– Я буду рядом.

Наверно, решил, как только я скроюсь из виду, его тут же схватят и куда-нибудь увезут. Но в этом случае от меня про-

ку мало. Я кунг-фу и карате знаю только по фильмам об Ип Мане. Ну, и про Брюса Ли мне раньше папа много рассказывал, в юности просто боготворил этого актера, даже пытался заниматься по его методике, пресс качал до двухсот раз, сворачиваясь «листочком» из положения лежа.

Но сейчас теоретические знания вряд ли помогут мне отстоять Рая.

«Суша мой друг теория везде, но древо жизни пышно зеленеет...» – так еще Гете сказал от лица своего Мефистофеля.

Смирившись, я тихо попросила:

– Рай, побудь здесь, я быстро вернусь. Не волнуйся, нам никто не навредит.

«Он странно себя ведет – собранный, напряженный, готов в любой момент атаковать или защищаться... словно дикий зверь, выпущенный на Древнеримскую арену – кого бы порвать первым за все унижения плена».

Я улыбнулась, потом погладила его по широкому махровому рукаву халата. Кажется, он немного расслабился, и тогда к нему снова обратился Сергей:

– Вам тоже понадобится одежда. Позвольте, предложу спортивный костюм подходящего размера.

«Хорошо же они подготовились... Все предусмотрели!»

Теперь я смогла уединиться в своей комнатухе, с удовольствием надела удобные старенькие джинсы и футболку. Волосы освободила из пучка на затылке и расчесала. Как же

хорошо, будто змеей сменила старую кожу и возродилась заново, даже появились силы стойко принять любой вызов судьбы. Лишь бы обошлось без драк и перестрелок.

Скоро я вернулась в зал и изучила обстановку: Валентин Игоревич шуршал на кухне, неужели, всерьез собирается чайку попить? Сергей сидел на диване, держа спину неестественно прямо, а рядом с ним теперь находился новый персонаж – мужчина средних лет с более приветливым лицом, чем у напарника. Рай стоял у раскрытой балконной двери.

Я даже глазам своим не поверила, мой «пришелец» изрядно преобразился. Одет он был теперь в модный спортивный костюм стального цвета. Подсохшие волосы у Рая оказались просто шикарными – волнистые, золотистого оттенка, почти достигали плеч, окружая голову светящейся аурой.

Я отчего-то засмушалась и быстро отвела взгляд, до того он показался мне привлекательным. У него суровое, мужественное лицо, правда, немного надменное и холодное, порой откровенно злобное. Но даже в этом была какая-то особая притягательность...

Я подсознательно чувствовала, что в Рае есть нечто страшное, и он пытается спрятать это от окружающих, но оно вырывается наружу, даже помимо его воли и желания. А еще мне некстати вспомнилась фраза Роуди, о том, что Рай убил много людей.

Может, он временами превращается в монстра? Может, и мне рядом с ним грозит опасность? Тогда очень хорошо,

что Сергей сейчас уведет Рыжего из моей квартиры и я отдохну... если вообще смогу сегодня заснуть.

Но все пошло по другому сценарию. Началась полная неразбериха. Рай вдруг заявил, что никуда не пойдет и останется у меня дома. «Специальные люди» немного растерялись, переглянулись и переговоры с пришельцем начал гость, назвавшийся Аркадием.

– Понимаете, Рай, у нас есть все основания думать, что за вами началась серьезная охота. Мы планируем отвезти вас в безопасное место очень далеко отсюда, где вам ничто не будет угрожать. У вас будет собственный домик посреди леса и все, что нужно для спокойной жизни. Там прежде обитали несколько мужчин, чья история сходна с вашей. Теперь они разъехались из поселка со своими семьями. У них подрастают дети.

Видите, все может сложиться удачно и в вашем случае. Постарайтесь нам поверить, у нас нет никаких причин вас обманывать. Мы желаем вам только добра.

Я слушала, дыхание затаив – песня сладкоголосых сирен в мужском обличье!

«Надо же, у нас в России целое поселение инопланетян имеется. Понятное дело, что в прессу эту информацию не пускают. Несчастливым пришельцам жить спокойно не дадут. А может, и в других странах есть подобные резервации... Ничего-то мы, простые люди, не знаем...»

Рай долго молчал, а потом вдруг кивнул в мою сторону:

– А что с ней? Она тоже в опасности, за ней тоже могут прийти.

Аркадий попытался его успокоить на этот счет, да и мне было не лишне узнать обнадеживающую информацию:

– Еве Александровне будет обеспечена надежная охрана.

«Ага... как же! Только Рай за порог мне тут же память сотрут каким-нибудь прибором! Знаем-знаем...»

– Она поедет со мной! Или я тоже остаюсь. Я буду там же, где она, – упрямылся Рыжий.

Я сделала пару маленьких шажочков и аккуратно села на наш старенький диван рядом с Сергеем. То, как начинали развиваться события мне совсем не нравилось.

«Специальные люди» насупились, обстановка накалялась.

Аркадий кашлянул и глубокомысленно заметил:

– Что ж... раз Еве Александровне какое-то время будет нужна охрана, думаю, ваше предложение уместно.

– Отличное решение! – с явным облегчением поддакнул Сергей.

– Простите, я вас правильно поняла? Что вы мне предлагаете? Я не хочу никуда ехать. У меня здесь дом.

– Я за квартирой присмотрю, Евочка, не переживай. С квартплатой разберемся, все решим в лучшем виде. Тебе ни о чем сейчас не надо беспокоиться.

Я растерянно смотрела на чашку чая в руках Валентина Игоревича. Он мне ее предлагает?

«Да, они тут все заодно! Западня какая-то! С какой это

стать, извините, я должна все здесь бросать и ехать за тридцать земель с чокнутым Рыжим, который, видите ли, без меня уже жить не может».

– Ева Александровна, можно с вами пару минут поговорить наедине.

– У меня нет секретов от окружающих, я заявляю прямо и откровенно – я никуда из своего дома не поеду! И в прислугу для озабоченных пришельцев я не нанималась.

– Каких пришельцев, вы о ком?

Все присутствующие посмотрели на меня с удивлением, а я покраснела и немного смутилась.

«Теперь меня точно не отпустят без подписки о неразглашении...»

– Девушка перенервничала. Мы разберемся. Это все потом, – тихим убаюкивающим голосом вынес странный вердикт Аркадий.

– Ева Александровна, мы гарантируем вам безопасность и... – он вдруг немного замялся, – неприкосновенность. Но вам действительно придется поехать сейчас с нами, хотите вы того или нет.

– Этот человек, – Аркадий картинно приподнял подбородок в сторону Рая, – чрезвычайно важен для нашей страны, и мы сделаем все, что в наших силах для обеспечения его защиты. Вы свою страну любите?

«Еще спросите, за кого я в прошлый раз голосовала на выборах!»

Ох, не надо меня доводить! Я ведь не посмотрю, что вы «специальные люди», я вам скажу все, что думаю, даже раскулаченного деда припомню и отобранную у него в тридцать втором году личную мельницу, которая семь окрестных сел и деревень обслуживала, а потом неожиданно вышла из строя.

Но тут подал голос славный Валентин Игоревич:

– Евочка, а почему ты не хочешь в лесной поселок съездить, отдохнуть на природе, на всем, так сказать, готовом? Товарищи тебе командировку оформят, с официальной оплатой. Ты же потом хотела в школу устроиться, ну, вот и наберешься сил перед работой. Как раз один месяц тебе и остался гулять, а потом за тетрадки засядешь и готовы не поднять, доведут еще тебя наши охламоны. Год у тебя тяжелый выдался, Ева, тебе надо отвлечься от всех забот. Мой тебе совет, поезжай!

– Это, конечно, прекрасно, природа и птички, но...

Я посмотрела на Рая, а он только на меня и пялился, впрочем, успевая контролировать все и всех в маленьком помещении.

«А, собственно, что я теряю... Только уникальный шанс провести какое-то время с гостем из космоса».

– Рай, ты можешь дать мне сейчас в присутствии этих людей самую страшную для тебя клятву?

Мне показалось или Сергей фыркнул от смеха, а Аркадий только мило улыбнулся.

– И в чем я должен поклясться? – Рай недобро сузил свои янтарные очи.

– Что ты и пальцем ко мне не прикоснешься без моего на то письменного разрешения.

В комнатушке повисла напряженная тишина. И пускай... Пускай «специальные» думают, что хотят, не им же придется бок о бок существовать с импульсивным Рыжиком. А я должна хотя бы какие-то гарантии получить для спокойствия невинной души и почти невинного тела.

Теперь уже все мужчины в комнате – кто открыто, кто исподтишка наблюдали за реакцией Рая. Кажется, последний был несколько сбит с толку моим решительным манифестом. А что? Пусть знает, что земные русские девушки не вешаются на шею первым встречным звездолетчикам, какими бы они не были мускулистыми и златовласыми.

Тоже мне Тристан нашелся! В космосе свою Изольду ищи, а я уж как-нибудь местным генофондом обойдусь.

– Я даю клятву, которую ты просила. Моего слова достаточно?

Отчего-то показалось, что Рай хитро прищурился и даже усмехнулся уголком губ. А может, это была всего лишь гримаса пренебрежения, мол «не очень-то и хотелось тебя трогать»...

Мне дали десять минут, чтобы я уложила в дорожную сумку необходимые личные вещи. И тут стало совсем не по себе, я вовсе не планировала спешить ночью из привычных ма-

леньких Кулебак в Москву, в аэропорт, чтобы вскоре лететь за Урал в Сибирь.

Пока металась по квартире, лихорадочно собирая сумку, меня колотила нервная дрожь. Рай сидел на табурете все у той же балконной двери, словно египетский фараон на троне – прямой, как истукан, с чуть удлинненными к вискам янтарными очами, с золотистой гривой, которую зачесал назад собственно пятерней.

И с этим вот «божественным существом» мне предстоит прожить как минимум месяц в лесу один на один... Кажется, предстоящее путешествие запомнится на всю оставшуюся жизнь. Только бы не поддаться инопланетным чарам, не позволить Раю стать для меня чем-то большим, чем просто спасенный иноземец.

Сергей постоянно торопил, подпирая крутым плечом дверной проем в залу – ныл, что мы опоздаем на ближайший рейс до Тюмени, а потом придется ждать до утра. В итоге мы с Раем даже поужинать не успели. Скоро наша делегация оперативно спустилась с пятого этажа во двор. Там уже ожидала огромная черная машина непонятной мне марки.

Сергей уселся рядом с водителем, а мы с Раем разместились на заднем сидении. Аркадий и еще пара мужчин, дежуривших у подъезда, должны были ехать следом на другом внушительном авто.

«Охрана по высшему разряду! Когда бы ты еще так прокатилась, Ева Александровна, будущая занудная училка?»

И вот спустя пять мучительных часов мы приближаемся к МКАД, скоро будет Внуково. У меня сами собой закрываются глаза и, после некоторых колебаний, я нахально приваливаюсь виском к плечу своего молчаливого спутника. Мне то можно к нему прикасаться, он же не брал с меня никаких обещаний по личному пространству.

Рай осторожно отодвигает меня, снимает свою спортивную ветровку и, свернув ее наподобие подушки, приглашает устроиться у себя на коленях. И я настолько мечтаю хоть куда-нибудь уложить свою тяжелую голову, что даже не спорю.

А потом проваливаюсь в сон, и в последние секунды перед забытием чувствую, как Рай ласково гладит меня по волосам, собранным в небрежную косу. И никакое мое разрешение на это ему сейчас, похоже, не требуется. Но мне пока не до споров.

Глава 5. Разгадка близка

Слышу сквозь дрему тихий голос Сергея:

– Может, сиденье разобрать – будет гораздо удобнее.

Интересно, долго ли я спала, голова еще тяжелая, за окнами машины густая ночь, приятно наблюдать мелькание круглых фонарей вдоль дороги. Аэропорт.

Мы успели к самой посадке на очередной Тюменский рейс, Аркадий забрал у меня паспорт и побежал договариваться насчет билетов. Я чувствовала себя неважно, внезапно возникли знакомые тянущие боли внизу живота. «Только не это, только не сейчас! Еще целая неделя в запасе... неужели из-за стресса...»

Хорошо, что у меня в сумочке всегда женские средства гигиены на всякий случай. Решительно поднимаюсь с металлического кресла в зале ожидания и, скромно опустив глаза, объявляю спутникам о необходимости немедленно удалиться в дамскую комнату.

Нисколько не удивляюсь тому факту, что Рай собирается меня сопровождать, но вот насколько далеко он собирается зайти? Есть предел и самой трогательной заботе.

В итоге к женскому туалету мы направляемся всей милой компанией – раздраженный Сергей впереди, затем я и Рай, который зачем-то придерживает меня за плечо, нервно озираясь на толпы людей вокруг, а по сторонам и сзади несколь-

ко неприметных на вид «дядечек» с самым равнодушным видом. И зачем мне такая охрана...

– Это неприлично! У тебя есть понятие о деликатности? – ворчу я.

Рай даже не собирался спорить. Он, видите ли, всерьез считал, что в дамском туалете меня подстерегает опасность. Я начала злиться всерьез, а тут еще Сергей добавил жару:

– Из-за вас рейс придется задержать! Засуньте уже свою стыдливость куда подальше и сделайте, наконец, свои дела.

– Не кричи на Еву, – жестко одернул его Рай, и впервые за вечер мне захотелось улыбнуться.

Однако во избежание конфликта пришлось завести Рыжего внутрь комнаты с кафелем нежно-малахитового цвета. Сергей в это время «работал» вахтером у дверей, чтобы в случае необходимости объяснять подошедшим дамам, что в туалете сейчас нестандартная ситуация – беременной женщине стало плохо и с ней находится муж.

Когда из кабинки я вернулась к зеркалам, чтобы помыть руки, Рай странно фыркнул в мою сторону и озадаченно выпалил:

– У тебя идет кровь! Где ты поранилась?

Даже не видя физиономию Сергея, я уже представила брезгливую гримасу на ней. Самые сумасшедшие сутки за всю мою жизнь. Никакого личного пространства! И главное сейчас, как говорят японцы, «сохранить лицо».

– У здоровой взрослой женщины раз в месяц идет кровь.

Это не страшно и означает, что она не беременна, понятно?

– Понятно, – в его голосе послышалось странное удовлетворение, – ты не беременна.

Со стороны дверей раздался тихий смешок, и я уже круто повернулась, чтобы произнести гневную отповедь, как встретила взглядом с Аркадием. Мой воинственный запал исчез, – Аркадий мне нравился. Казался старше и серьезней или просто умело прятал эмоции.

И вот мы сидим в салоне «Тушки», что увезет нас в Тюмень. Уж скорее бы добраться до места и в спокойной обстановке обдумать все произошедшее. Самолет разгоняется и взлетает, Рай судорожно вздыхает, прикрыв глаза, а мне нехорошо. Не люблю самолеты и поезда, не люблю большие вокзалы и аэропорты, суету и спешку, томительное ожидание... И неизвестность впереди. Представить не могла, что когда-то навещу места отцовской ссылки.

Пассажирам раздали еду. Рай проглотил свой сандвич за пару секунд и я, с грустью посмотрев на половину собственного холодного бутерброда, отдаю ему оставшийся кусок. Порыв гуманизма, что поделаться, Рай большой, ему надо хорошо питаться. По счастью сбоку раздается осуждающий голос Аркадия:

– Ребята, почему же вы молчите, что такие голодные! Сейчас мы вас как следует накормим.

Он подзывает стюардессу и через десять минут нам приносят кучу всякой еды: салаты в закрытых пластиковых ко-

робочках, курицу и картофель, еще бутерброды и десерт, чай с аккуратными кружочками лимона. Чая в самолете мне всегда мало.

Я налопалась до состояния полного блаженства и комфортно откинулась на сиденье. Салон опять погрузился в полумрак. Большая жесткая ладонь Рая легла сверху на мою руку, задержавшуюся на подлокотнике. Горячие пальцы переплелись с моими, жест был довольно интимным, но я сейчас не в том состоянии, чтобы спорить.

* * *

Спустя три часа мы уже рассекали на такси по предрасветным улицам Тюмени. Я с любопытством рассматривала из окна «Ниссана» незнакомые площади и скверы. Когда-то в этом городе отбывал часть своего заключения мой отец – «декабрист», отсюда он присылал маме пылкие письма с заверением в вечной любви и преданности, слал сентиментальные приветы мне, тогда еще школьнице. На глаза непрошено навернулись слезы.

Мы остановились возле серой обшарпанной «панельки», зашли в лифт, поднялись на пятый этаж и позвонили в квартиру. Двери нам открыла миловидная женщина неопределенного возраста с очень стройной для этого самого возраста фигурой.

– Здравствуйте, я – Ольга Короткова! Мы вас давно ждем.

Мой наметанный глаз сразу определил любовь хозяйки к пробежкам и гимнастике, скандинавская ходьба и лыжи тоже вполне подходили образу спортивной блондинки.

Трехкомнатная квартира показалась неудобной, похоже, что в ней бывали набегами и никто не жил постоянно. Гости-ница для «специальных людей», что поделать, им тоже надо где-то отдыхать.

От раннего завтрака я отказалась, только выразила желание принять горизонтальное положение и остаться одной. Ольга проводила меня в спальню и первое пожелание легко осуществилось, а вот насчет уединения...

Безумный Рыжий ни на минуту не собирался меня оставлять. Такое чувство, что градус его заботы значительно возрос после того как он проникся моим «критическим» положением и отсутствием беременности.

Он до конца жизни будет за мной по пятам ходить? А если я к этому привыкну, а ему наоборот надоест... Вот что начинало меня тревожить.

Я с удовольствием растянулась на широкой кровати с ортопедическим матрасом, и Рай пристроился рядом, даже затылком ощущала его внимательный взгляд.

Спать расхотелось, и потому я решила начать хоть какой-нибудь познавательный разговор:

– Откуда ты на самом деле? Как к нам попал?

Отвечал он неохотно, может, это была секретная информация и не для моих гражданских ушей.

– Я ведь уже говорил – меня забрали и восстановили. Я хотел умереть, когда все понял. Но это было бы слишком просто. Умирать напрасно нельзя.

Рай глубоко вздохнул, а я нахмурилась. Неужели ему нечего добавить? Я-то хотела услышать подтверждение или опровержение его инопланетного прошлого. Раз в жизни мне выпал момент разобраться «есть жизнь на Марсе или нет...» Если Рай в самом деле астронавт, зачем его прятать в дремучем лесу? Он космический преступник или диссидент? Политического убежища попросил на Земле, а его хлоп – и под ремни в препараторскую Роуди.

– А твой корабль сильно поврежден? Его совсем-совсем не починить?

– Какой корабль? – удивился Рай.

– Ну, на котором ты прилетел! – с досадой повторила я.

– Самолет? А-а... От него почти сразу ничего не осталось – сгорел... Я тоже должен погибнуть.

Я недоверчиво поджала губы. На самолетах не совершают межпланетные экскурсии. Что-то не сходится.

– Рай, а ты летел один?

– Так, в «лавочку» больше и не нужно, сам справлялся.

– А с какой целью ты летел? – напирала я.

– Выслеживать их, гадов, вот зачем! наших штурмовиков сопровождать, вступать в бой с истребителями. Надо забраться повыше и потом на большой скорости пикировать вниз... Да...

Рай, кажется, здорово рассердился, плохие воспоминания настигли. Я притихла. А что тут скажешь?

«Звездные войны. Эпизод последний. Небо над Россией. Старенький Джедай нервно курит в стороне, рыженький Люк Скайуокер влюбился в русскую девушку Еву и, победив всех врагов, сложил дымящийся бластер к ее стройным ногам».

Дальше расспрашивать о чем-либо «Скайуокера», дышавшего мне в затылок, расхотелось. И, вообще, чего он ко мне прилип? Притворюсь спящей.

Примерно через полчаса в дверь комнаты тихонько постучали. Ольга предложила прогуляться по магазинам, чтобы лично закупить все необходимое на месяц моей предстоящей лесной жизни. И мы пошли вдвоем с Ольгой, потому что хитроумный Аркадий наконец сумел отвлечь Рая от моей драгоценной персоны. Да проще простого!

Он предложил ему «погонять самолетики», то есть поиграть на пару в компьютерную игру, имитирующую действия пилота современного истребителя. Ну-у, я еще внесла свою лепту – наотрез отказалась от сопровождения.

Когда через два часа мы с Ольгой вернулись с покупками, мужчины все еще азартно крушили авиацию противника и бомбили вражеские склады со снаряжением, не говоря уж про перепуганный личный состав. У Рая здорово получалось. Когда я заглянула к ним в зал, Аркадий демонстративно хлопнул его по плечу и провозгласил с нотками наигранной зависти:

– Молодец! Я месяц не мог этот уровень пройти. У тебя тала-ант! Отличная реакция.

От похвал в адрес Рая у меня тоже потеплело на сердце, даже захотелось вслух пошутить, что все мужчины одинаковые – на Плутоне и на Земле. Хлебом не корми – дай «погонять» и «пострелять».

Рай повернулся и посмотрел на меня с мальчишеским задором в блестящих глазах. Стало неловко. Я легко могу дать отпор любому высокомерному типу, но сразу иду навстречу искреннему и открытому человеку.

День сам собой скатился к вечеру, а завтра с утра нас увезут в поселок «Северный», расположенный где-то в глубине леса на юге области.

Обострилось ощущение, что от меня скрывают нечто важное, опасаясь неожиданной реакции и непредсказуемого поведения. Я мысленно собрала в кучу обрывки нечаянно подслушанных разговоров, странные насмешливые взгляды Сергея, печальные намеки Ольги во время прогулки по магазинам. Ее прямое обращение к Аркадию, когда думала, что я не слышу.

– Девочка должна знать.

– Девочка? В ее возрасте можно многодетной матерью быть. Ладно... маленькая собачка по жизни щенок. Когда прибудем на место расскажем... Сейчас рано. Дергаться начнет.

Вот тебе и доброжелательный провожатый. Да за кого они

меня принимают? Я не истеричка.

* * *

Уже стемнело. Аркадий с Рыжим еще зависали у компьютера, теперь разглядывая какие-то фотографии. Я изо всех сил делала вид, что мне это не интересно. Ну, правда, не стоять же за плечом Рая, комментируя привольную жизнь его «собратьев по разуму» в глухом сибирском поселке. Краем глаза заметила на экране сцены семейной идиллии: колоритные мужчины у костра, веселые женщины с младенцами на руках, ухоженная дорожка между молодыми елями, спортивная площадка.

Ольга и Сергей что-то обсуждали на кухне за чаем с огромным тортом. «Специальные люди», оказывается, те еще сладкоежки! Отчаянно растягивая блаженство, я съела самый маленький кусочек и, глотая слюну, отказалась от добавки. Вдруг растолстею и стану в глазах Рая привлекательным лакомством. А мне это нужно? Пока не уверена.

– Евочка, иди уже отдыхай. Дорога ждет утомительная, надо выспаться, – советует Ольга.

Но мне, конечно, не спалось. Во-первых, немного беспокоила мысль, что сейчас Рай оторвется от компьютера и придет разделить ложе. Интересно, а он храпит? Я тогда его просто спихну с кровати на пол, пусть даже не надеется, что буду терпеть.

А во-вторых... Почему его так долго нет?

В просторной тунике до колен я тихонько крадусь в коридор. Хочу лишь взглянуть на Рая, но в зале свет потушен, экран компьютера погас. Куда все подевались? Услышав приглушенные голоса со стороны балкона, я подошла ближе и скоро готова была разреветься от стыда и досады. Сергей не стеснялся в выражениях:

– Она до сих пор считает его инопланетянином. Откуда только берутся такие простофили... Из тундры, похоже. Ты в Надыме бывал?

– Не приходилось. А Ева, наверно, фильмов американских насмотрелась, вот фантазии голову и забили. Ей бы нормального мужика... такой материал зря чахнет, – Аркадий пытался за меня чуточку заступиться. По-своему.

– Ясно. «Хищник», «Чужой» – классика жанра.

– Скажи еще «Звездные врата» или подростковый сериал про Дарта Вейдера, – снисходительно усмехнулся Аркадий.

– Не-ет, я в свое время угорал по «Дюне»! Долго играл в нее, мне и книга местами понравилась.

Совсем рядом раздался мягкий смех, закончившийся деликатным кашлем. Я бесшумно села в кресло рядом с полукрытой дверью, ведущей на темный балкон. От запаха дорогих сигарет запершило в горле, а глаза щипало так, что пришлось зажмуриться. Наивная идиотка! Даже ночную сорочку вчера выбрала себе с котятками и сердечком. Детский сад, ясельная группа... Ничего, переживу. Главное, что Рай

никакой не пришелец из космоса. И кто же тогда?

Просто человек с выдающимися спортивными способностями? Но даже тренированному человеку вот так запросто не перемахнуть трехметровый забор, держа на спине пятьдесят пять килограмм живого веса. А потом мне стало совсем обидно и горько, почему же они мне сразу правду не открыли, смеялись надо мной, конечно, «дуручка из тундры»... в пришельцев верит.

Да, верю и надеюсь, что мы не одни во Вселенной. Придет время, будет установлен контакт, произойдет обмен технологиями и достижениями в медицине и биологии. Я уже про культурный обмен не говорю... Может, в чем-то мы и отстаем от ведущих космических держав, но что касается психо – эмоциональной сферы... попробуй еще нас догони.

Меня опять занесло не в ту степь. Надо срочно приземляться. Надо немедленно выяснить, кто такой Рай и зачем был нужен Леону и Роуди. Тогда станет окончательно ясно, как себя с ним вести.

Я вытерла слезы и двинулась на балкон к «специальной парочке». Парочка, кстати, подобралась в лучших традициях жанра: «хороший дядя – плохой дядя». Сначала обратилась к хорошему:

– Аркадий, это нечестно. Я адекватный взрослый человек и заслуживаю соответствующего отношения.

Они смотрели на меня с нескрываемым любопытством. Ответил почему-то Сергей, выпалив на мои слова давно за-

готовленную фразу:

– Рай – военный летчик, пострадавший в результате авиакатастрофы, и прошедший не очень качественное лечение за границей. У него до сих пор есть небольшие проблемы с психикой. Он считает себя хищным зверем.

Вот так – просто и ясно. Никогда еще мне не было так стыдно за свою восторженную глупость-мечту о внеземном друге. Хорошо, что на балконе темно, потому что я, кажется, покраснела и растерялась до немоты.

А тут еще сзади подошел Рай, довольно бесцеремонно отодвинул меня в сторону и зашипел, наступая на Сергея:

– Зачем ты ее пугаешь? Я бы сам объяснил.

– Я всего лишь сказал Еве, что вы попали в авиакатастрофу... – Сергей талдычил свою заготовку прямо как попугай, медленно пятясь от надвигающегося Рая.

И тут подал голос Аркадий. Ласково-примирияюще, словно гипнотизировал голосом.

– Ева думала, что ты прилетел к нам с другой планеты. Космический путешественник – прямо как Незнайка во второй книге Носова о приключениях коротышек из Цветочного городка на Луне. Ева, ты помнишь эту чудесную историю? Отличная книжка. Я в детстве обожал, от корки до корки взахлеб.

Мне стало смешно и грустно одновременно. Но грусть перевесила. Да они оба издеваются над нами. Дергают нас, как марионеток за ниточки, захотели – забрали и увезли

в другой город, согласны мы или против – им не важно.

«Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!» И ведь ничего не объясняют, не снисходят до простого человеческого разговора, будто мы – низший сорт, а они приближены к особой высшей касте и могут судьбы вершить. Вот что самое обидное!

Я судорожно вздохнула, пытаюсь подавить закипающие внутри слезы. Рай крепко обнял меня, прижимая к себе. Я уткнулась носом в рыжие завитушки на его голой груди и вдруг почувствовала, что нам непременно надо держаться вместе, что мы теперь одни против всех.

Теперь, когда я поняла, что Рай обычный мужчина без всякого там инопланетного флера, он стал мне гораздо ближе и роднее. У него в жизни произошла трагедия, ему нужна поддержка и сочувствие. И пусть он что угодно болтает о единственном предназначении женщины для продолжения рода. Все-таки попробую с ним подружиться. Развею, так сказать, его домостроевские мифы.

Я осторожно освободилась и шагнула с балкона обратно в комнату. У меня, конечно, было еще немало вопросов к «сладкой парочке», что продолжала курить на балконе, но при Рыжем говорить на серьезные темы бесполезно. Придется потихоньку выведывать оставшиеся тайны самой. Только спросила Аркадия напоследок:

– А Ольга уже ушла? Она не здесь будет ночевать?

– Нет, у нее своя квартира в городе. Оля думала, ты уже

спишь и не стала прощаться.

И вот мы с Раем остались одни в выделенной для нас спальне. Когда в своей короткой туничке я забралась под одеяло, сердце сильно заколотилось. Я ни с одним мужчиной кроме Олега не лежала так близко. Ситуация для меня сейчас выходила за рамки стандартной.

Ну что ж, как-нибудь скоротаем эту ночь, а завтра уже нас заселят в обещанный комфортабельный коттедж, где, надеюсь, у меня будет собственная неприкосновенная кровать. И на ней никаких рыжих летчиков!

Я лежала на боку и тарасилась в темноту. Какой тут сон, если за твоей спиной раздается непонятное довольно громкое «тарактенье – урчанье», тот самый звук, что я слышала от Рая еще в своей злополучной ванной. Не могла долго молчать.

– Зачем ты так делаешь?

Мне показалось или он немного смутился, потому что ответил непривычно тихо:

– У меня получается само, когда ты рядом и я чувствую твой запах. А сейчас к нему примешивается запах крови и мне особенно хочется тебя оберегать. Ты маленькая и нежная.

Я рывком села на кровати, стянув на себя одеяло, потому что для соседа по кровати предназначался отдельный плед. Рай совсем не понимает... Сейчас он перешел все допустимые нормы приличий и такта. От меня не может ничем пах-

нуть, я принимала душ, я чистая.

– Пожалуйста, без обид, но я хочу, чтобы ты ушел. Я буду спать одна, это мое желание и право. Я спасла тебе жизнь, ты должен хоть немножечко меня уважать.

– За что ты меня гонишь, женщина? – игривые нотки в его голосе только усилили неприязнь.

– Ты бы еще сказал – «скво»!

Нет, надо успокоиться, мне же четко сказали, парень не в себе, у него серьезная психотравма и, вероятно, на этой почве раздвоение личности. Он себя считает диким зверем, а для них такая прямолинейность совершенно обычное явление. Как и отличный нюх, кстати. А что? Самоубеждение великая вещь.

Я слышала историю художника, у которого кровоточили кисти рук, когда он писал картину о распятии Христа. Вот что значит проникнуться темой!

Значит, и к Раю мне надо быть снисходительней, терпение проявить. Я сменила гнев на милость и вернулась в горизонтальное положение.

– Не надо больше про кровь. Это продлится еще несколько дней, и если ты будешь постоянно комментировать мое состояние, я просто из себя выйду и жутко рассержусь. Мне не нравится обсуждать с тобой личную тему, понятно?

– Дай подержать твою руку.

Не-ет, с ним ни минуты нельзя оставаться наедине, он просто маньяк! У него в голове приоритет тактильных ощу-

щений.

– Рай, можно я задам тебе вопрос: у тебя была любимая женщина?

– Да.

– И где она сейчас? Вы расстались? Прости, что спрашиваю, если не хочешь – не отвечай. Я просто хочу о чем-то с тобой поговорить, раз уж мы тут...

Я хотела сказать «застряли», но не произнесла это слово вслух. Как-то грубовато звучит. У человека трагедия.

– Не знаю, что теперь с Сарой... надеюсь, все-таки жива.

Вот как, оказывается, еще и любовная драма в анамнезе. Сколько же бед салилось на голову Рыжего. Но почему именно «Сара» – может, она из еврейской семьи? Иногда приходится думать ассоциациями.

– И где вы с ней познакомились?

– Закрытая база в Неваде. Сара наблюдала за мной, мы разговаривали, она меня учила своему языку.

«Неужели Рай проходил лечение в клинике США? А потом оттуда сбежал, потому что просто так его не выпускали».

Теперь мне все стало ясно. И немудрено, что за Раем охотились иностранные агенты, может, он какой-то ценной информацией владеет. А я-то себе нагородила – Плутон... Межзвездные туристы...

Самой впору книжку про космические приключения писать. Или триллеры-детективы. Но сначала надо бы до конца прояснить насчет загадочной Сары:

– Она была врачом?

– Да, почти... Сара занималась генетикой. И очень любила кошек, вот ей нравилось, когда я делал так, как не понравилось тебе.

Меня будто укололи. Почти физически больно. Он вспоминал американскую женщину, которая с удовольствием слушала его «урчанье»... Почему меня этот факт задевает, не пойму. Это ведь его история, какое мне дело? Я же не могу ревновать, совершенно глупо.

– И что потом? Вы поссорились?

Рай замолчал так надолго, что я уже и не надеялась на ответ. А потом сказал:

– Я ее толкнул к стене, Сара упала и не шевелилась, когда меня ударили током, я не знаю, что с ней стало. Может быть, я ее убил.

На пару мгновений я перестала дышать. Мне стало реально страшно. Он ведь проговорил эти слова так спокойно, будто для него самое обычное дело – убивать.

– Рай, – прошептала я после продолжительной паузы, – а почему ты ее толкнул?

К моему удивлению, он ответил довольно быстро и эмоционально:

– Я никогда бы ее не обидел, я не знал, что она стоит позади меня. Это случилось из-за ее мужчины. Джеймс меня ненавидел и боялся. А Сара хорошо относилась. Я только ей позволял проводить забор крови и... все другое. Хотя мне

не нравилось то, что они со мной делали.

Сара хотела успокоить, она погладила меня по плечу, а Джеймс стал ее ругать и смеяться надо мной. Он думал, я не понимаю их язык... Он назвал меня женщиной из-за моих волос и добавил кое-что еще... Я это понял. Этого нельзя никогда говорить мужчине.

Я его ударил, он упал, и я наклонился над ним, а сзади меня схватили за одежду. Я думал – это охранник и, не оборачиваясь, отмахнулся. Там находилась Сара, она хотела меня остановить. Она была такая же маленькая, как ты. И отлетела к стене, ударилась головой, и потом я заметил кровь...

Я хотел подойти к ней и убедиться, что она жива, хотел ей помочь. Они не подпускали меня, и я убил еще двоих... кажется...

Ну, что тут скажешь – чудовищная история. Мне было от души жаль, что у Рая так грустно получилось с Сарой. И я искренне попыталась убедить его, что женщина-генетик осталась жива, получив лишь легкое сотрясение мозга. И даже помирилась с Джеймсом, если сама этого захотела.

Я нарочно упомянула про Джеймса, хотя, наверно, гаденько вышло. Мне просто отчаянно хотелось увидеть реакцию Рая но то, что женщина, к которой он неровно дышал, теперь с другим. Но Рай отнесся к моим предположениям спокойно, только добавил, что Джеймс нехороший человек и Саре с ним будет тяжело.

Конечно, информация о том, что Рай уколошил сколько

народу меня не радовала. Стало очевидным, что со мной в непосредственной близости находится импульсивный, не сдержанный мужчина, которого следует опасаться, что бы он там не говорил про защиту и заботу.

Я опять вспомнила своего отца. Почему-то больнее всего нам делают именно самые близкие и любимые люди. Те, кому мы больше всего доверяем, кого допускаем до самого сердца, перед кем раскрыты и безоружны. И даже если их удар случаен, от этого нам не легче.

Если бы не та дикая выходка родителя, если бы мама не упала на лестнице, у меня сейчас мог быть братик или сестренка, и мы жили бы все вместе дружной семьей. Пара секунд, одно неверное движение и жизнь расколота на «до» и «после»... какие-то пара секунд. Злой рок или испытание.

Охота к расспросам у меня прошла. Захотелось свернуться калачиком и уснуть. Я снова отвернулась к стене и натянула до плеч одеяло. И даже вскоре задремала под тихое урчание по соседству.

Глава 6. В заказнике

Ева

Дорога показалась бесконечной. Я никогда в жизни не проводила столько времени в салоне автомашины, пусть даже самой навороченной иномарки. Я пыталась слушать музыку, пробовала разговорить пожилого водителя, разглядывала природу в окно, даже дремала на коленях у Рая.

Он-то сидел как статуя, смотрел на меня со странным выражением в искрящихся глазах, пытался положить руку мне на талию или плечо. А я только покачивалась в муторном забытии, лежа головой на свернутой ветровке, которая, кстати, находилась на коленях Рая. Беседовать с ним сейчас меня не манило. И вообще начало подступать непреодолимое беспокойство.

Что ждет нас в лесу? Может, над нами тоже будут проводить опыты, тестировать новоизобретенные лекарства, не все кроликам и мышам отдуваться.

И вот, наконец, тряская ухабистая дорога в две колеи завела нас в глушь к вполне симпатичным домикам поселка «Северный». Надо еще добавить, что к моему превеликому удовольствию ни один из «специальных людей» с нами не поехал.

Мы натянуто распрощались еще в городе, даже миролюбивый Аркадий мне уже не казался доброжелательным.

На переднем сидении «Туарега» с нами ехала только Ольга. А к ней я почувствовала симпатию уже в первое утро знакомства, ей я вполне доверяла.

* * *

Поселили нас с Раем в хорошенький домик в самом центре лагеря. Ольга сказала, что там раньше жила семейная пара: женщина – врач и бывший военный. Местечко мне понравилось, рядом столовая и административный корпус. Также в двух шагах великолепно оборудованная спортивная площадка, надо будет вернуться к растяжкам, а то за месяц совсем себя запущу. Попробую также бегать по вечерам, может, и Рай присоединится.

Меня удивило, что в «Северном» было мало обитателей, четыре прекрасных коттеджа пустовали. Вечером Ольга провела для нас небольшую экскурсию по территории, показала безопасные подходы к озеру, разрешила пользоваться общей кладовой-складом.

– Сейчас с вами должен был находиться мой муж – Алексей Викторович Коротков, но у него неделю назад внезапно начались нелады со здоровьем. Требуется серьезная операция.

Ольга внимательно оглядела нас, особенно ее пронизательный взгляд задержался на Рае, который вертел головой и опять будто принимался, взбудораженный раски-

нувшейся вокруг хвойной зеленью и гомоном птиц.

– Это хорошо, что вы сюда сразу вместе приехали. Остальным было гораздо труднее.

Я подалась вперед, не скрывая волнения.

– А где сейчас люди, которые здесь жили прежде? Мне показывали их фотографии в городе.

Ольга кивнула и с улыбкой начала объяснять, словно вспоминала близких друзей.

– Брок в семидесяти километрах отсюда, в поселке Ершово. Там все в порядке, мы с Владом их недавно навещали. Остальные устроились подальше... Но все отлично приспособились, детки подрастают.

Мне показалось или при последних словах у Рая загорелись глаза. Еще бы, он просто помешан на идее продолжения рода. Надо предупредить его будущую избранницу, что детский сад на дому ей гарантирован с таким-то муженьком.

На мой интерес к подобным идеям Рай может не рассчитывать. Я детей обожаю, но не более одного – двух под собственным носом. А этому Рыжику, подозреваю, и трех-то окажется маловато.

Между тем Ольга продолжала размышлять вслух:

– Честно сказать, новых гостей в «Северный» не ждали. Но мы очень рады вашему приезду. Отдохнете от города, от всех передрыг, а «наверху» пока утрясутся сложности. Здесь вам нечего опасаться.

– А вы с нами в поселке останетесь?

– Я бы задержалась на пару дней, да спешу к мужу в больницу. Алексей много спрашивал о вас, Рай. Он бы хотел вас увидеть, поговорить. И вам, Ева, передает горячий привет. Какие удивительные у вас имена! От души хочется пожелать вам счастья, ребята. Пусть все получится.

Она проговорила свое напутствие с таким глубоким чувством, словно благословляла у алтаря. Меня это чуть-чуть покорило. Возникло ощущение, что нас прямо толкают друг к другу в объятия, а мне никогда не нравилось давление извне. Сами разберемся.

Я сухо поблагодарила Ольгу за теплые слова и, придав фразе полушутливый тон, торопливо спросила:

– А кто сейчас в лагере главный? Кто будет за нас отвечать?

Ольга немного замялась и даже брови на переносице свела:

– Лиля пока здесь за старшую. Комарова Лилия Яковлевна. Пару недель она за командиршу, а потом, надеюсь, Алешу выпустят из больнички. Ему как раз свежий воздух потребуется. Тогда мы вместе к вам сюда и нагрянем с инспекцией. Вы уж потерпите пока... Ева.

Почему-то Ольга обратилась именно ко мне, попросила потерпеть конкретно меня. Странно – странно... Ее объяснения насторожили и взволновали, в голосе ее явно слышалась неприязнь к начальнице. Эта Лилия Яковлевна, наверно, та еще престарелая «выдра». Уж точно не такая привет-

ливая и спокойная как Ольга. Что ж, поживем – увидим.

– Здесь немного персонала остается – в поварах Светлана дежурит, с ней помощница Галина, заодно она и уборку делает у Лили. Из мужчин только Андреич – наш лесничий, изредка егеря бывают да кто-нибудь из городского начальства по делу. Охота здесь строжайше запрещена. Вот и весь контингент.

Ольга опять грустно улыбнулась, на лице резко обозначились морщинки. Наверно, сильно переживала за мужа. Потом повела нас в столовую и там-то мы, наконец, познакомились с временным руководителем «Северного». Ох...

Когда я впервые увидела Лилию, захотелось протереть глаза и покрепче себя ущипнуть, потому что женщины подобные ей не торчат в чаще леса, не скупают на заброшенных базах среди дряхлых лесников и кухарок.

Женщины вроде Лили восседают в кожаных офисных креслах, закинув нога на ногу, чтобы разошелся длинный разрез на узкой короткой юбке. И чтобы все подчиненные мужчины, судорожно глотая слюну, как угорелые строчили финансовые отчеты, зорко следя за ростом капиталов компании.

Такие, как Лиля, возглавляют редакции глянцевого женских журналов или модельные агентства. Сразу вспомнился яркий образ Мерил Стрип в «Дьявол носит Прадо». Они ездят в супердорогих авто и ходят в рестораны под руку с холеными красавцами на десять-пятнадцать лет моложе себя.

Ну-у, или с ухоженными и богатыми ровесниками. Зачем она здесь? Что потеряла... что ищет...

И вдруг я заметила, что на нее с любопытством посматривает мой Рай. Я и сама не поняла, как все случилось, но в тот самый момент он стал совершенно моим – от кончиков пальцев ног до кончиков золотистых волос, которые он теперь убирал в хвост.

А что касается Лилии – там было на что заглядеться... Обалденная фигура по типу песочных часов и просто удивительно, как она до сих пор не переломилась в своей осиной талии. В наличии также была пышная грудь и широкие бедра, а еще умопомрачительной длины ноги. Картину дополняла копна черных, видимо, крашенных волос и удивительной голубизны глаза.

Голубоглазая белокожая пухлогубая брюнетка лет под сорок. Именно так, по моим представлениям, выглядела царица – мачеха, которая в сказке Пушкина выгнала царевну в лес после признания волшебным зеркальцем приоритета за очарованием невинной юности.

Мягкий певучий голос Лили вывел меня из ступора.

– О, мы вас так долго ждали, друзья! Приготовили райское пиршество в вашу честь, дорогие гости, присаживайтесь, ну, что же вы стоите? Прошу к столу.

Лиля бесцеремонно схватила Рая за руку своими белыми ладошками и энергично встряхнула, лишь потом повернулась к Ольге.

– Как у Леша дела? Передавай ему мои поцелуи и пусть скорее поправляется, он очень славный говорун.

Закончив приветствие, Лиля скользнула по мне равнодушным взглядом и вплотную занялась Раем, самое обидное, он принимал все ее реплики благосклонно и даже что-то коротко отвечал.

Я старалась держаться вежливо-прохладно. По сравнению с яркой внешностью Лили – я просто «бледная моль». Надеюсь, меня она не выгонит в лес на съедение волкам или кому похуже. Мало ли чего ей нашепчет волшебное зеркальце, а что оно у нее в арсенале имелось по соседству с метлой, стало окончательно ясно к концу вечера.

Передо мной в глубокой пиале остывала солянка, рядом разноцветными горками возвышался в мисках любимый греческий салат, но ложка в рот не лезла, пока я искоса наблюдала за беседой Рая и роковой красотки, словно из прихоти решившей провести недельку на лоне природы.

Вот Лиля сама отрезала щедрый ломоть рыбного пирога и передала «дорогому гостю». Меж ярко-накрашенных губ мелькнули полосы ровных зубов, явно отбеленных в дорогой частной клинике.

Рай кивнул в знак благодарности и невозмутимо подвинул тарелку с пирогом мне, потом так же спокойно налил нам обоим компот и продолжил хлебать свою солянку, больше не отвлекаясь на разговоры.

– Вы не любите рыбу? – невинно хлопая ресницами, спро-

сила его Лиля.

– Сейчас не хочу.

Я мысленно его обняла – кремень, а не мужчина! После ужина мы с Раем отправились в коттедж, а Ольга, задержавшись, догнала нас у самого домика.

– Давайте прощаться, ребята, я уезжаю рано утром, вряд ли скоро увидимся. Евочка, а ты в обиду себя никому не давай, поняла, моя хорошая?

Странное прощание вышло. Ольга вдруг отчего-то расчувствовалась и поцеловала меня в обе щеки, глаза ее были полны слез.

Я, конечно, тоже зашмыгала носом, маму вдруг вспомнила, и Рай уставился на нас в недоумении, он-то не видел ни малейшего повода для огорчений. Пожалуй, даже наоборот. Я подозреваю, что Рай дожидаться не мог, когда уже мы останемся одни. Или это только мои досужие домыслы?

Вообще-то ничего не имею против интимной жизни, я не ханжа. Хотя сама с невинностью рассталась по сегодняшним меркам довольно поздно. После ухода отца мы с мамой жили вдвоем душа в душу. Утром вместе уходили из дома – она на работу, я в институт, вечерами вместе что-нибудь вкусненькое пекли, потом за чаем смотрели какие-нибудь интересные фильмы или книжки читали вслух. У нас дома была отличная библиотека, часть ее мама раздала подругам, уезжая в Кулебаки.

Я по примеру мамы с детства пристрастилась к чтению.

Может, потому и поступила на «русоведа». Особенно уважала творчество нашего уральского писателя Николая Никонова.

Кажется, я десять раз перечла его скандальную «Весталку». Этот роман много критиковали в свое время, надо же было автору осмелиться изобразить советского политрука во время Великой Отечественной Войны чуть ли не злодеем – насильником, который надругался над медсестрой. Книга пронзительная, местами очень тяжелая, много я слез над ней пролила, но сделала для себя кое-какие выводы.

«Что бы с тобой не произошло – нельзя падать духом, нельзя сдаваться – ни врагам, ни обстоятельствам. Даже если ты на всем белом свете один и тебе очень плохо, всегда найдется рядом какая-то добрая душа, что поддержит, поможет, хотя бы словом.

И даже если кажется, что впереди нет просвета и ты не можешь ничего изменить, когда думаешь, что весь мир против тебя... Надо просто еще чуть-чуть подождать – потерпеть и будет лучше. Обязательно будет лучше!»

Так вот, что касается моего пуританского воспитания... да не было, собственно, никакого воспитания в этом плане. Мама мне доверяла, а мне ни с кем не хотелось тусоваться в подъезде, достойных собеседников среди ровесников – мальчишек я не находила, а сразу в койку прыгать вовсе было не интересно.

Я планировала сначала подружиться с человеком, а еще

мне хотелось, чтобы вежливый мальчик меня пригласил на хорошее кино, которое мы бы потом вместе и обсудили. И уж потом, после долгих прогулок и ряда романтических встреч дело бы до интима дошло. Но никто за годы учебы так и не догадался меня – строгую «филологиню» пригласить в кино, завести культурную беседу.

И вдруг появился на горизонте brutальный спортсмен в красной бандане, повел себя решительно и напористо, пару раз рассмешил, напомнил отца.

А когда в постели Олег попросил выставить ему оценку по пятибалльной шкале за «проделанную работу», то я растерялась и, конечно, объявила жиденькую пятерочку... авансом. Зря, что ли, старался человек! Мне не жалко, я собираюсь быть самой доброй училкой, если, конечно, доживу до первого сентября в этой чащобе.

Но все неурядицы в прошлом, а в моем лесном настоящем я приняла душ, переоделась в почти новый домашний костюмчик – голубая футболка с серыми бриджами, и разлеглась на кровати в комнате, которую по справедливости считаю своей. Рай занял помещение наверху, но сейчас вышел прогуляться вокруг дома и куда-то запропастился. Вот еще о нем переживай, делать мне больше нечего! Так ведь на самом деле – нечего...

Я выглянула в окно и возле пары ближайших сосен разглядела высокую мужскую фигуру. Если Рай из себя зверя строит, так ему в лесу настоящее раздолье. Чего уж луч-

ше-то, может, на поправку быстрее пойдет человек. А ведь правда, в нем есть нечто звериное, дикое... доисторическое. С кем бы его сравнить?

Если хищник, то непременно из семейства Кошачьих, недаром же он «мурчит», когда у него приятное настроение. Нет, на большого кота он не похож, не лев, не тигр... леопард – уже ближе... Все равно не то, мужчина – леопард мне представляется уж чересчур экзотическим: длинным, гибким, непременно с короткими волосами.

А Рай – он наш, можно сказать, местный. Ему нужно подыскать кого-то из «своих» хищников. Не очень крупного, скажем, кошка среднего размера в русском лесу. Может быть, рысь? А что, очень даже подходит по определению – тоже рыжий и пушистый зверь. Теперь ясно почему у Рая столько золотистых волос на груди. Вот что значит сила самовнушения!

Хватит фантазировать, надо придумать, чем буду завтра заниматься. Если дело себе не найду, погибну от скуки. Интересно, как тут у них с Интернетом, у меня есть маленький ноутбук, мы бы с Раем посмотрели вместе какой-нибудь фильм.

Но уже через десять минут тоскливой маяты я оделась теплее, – третья ночь августа выдалась прохладной, и тоже вышла на улицу. Бегать, конечно, ни за кем не собиралась, просто стало неуютно одной в чужом доме. Ничего, завтра немного освоюсь, сделаю уборку, вещи свои разберу. Потом

вместе погуляем у озера...

Рай повернул голову на звук моих шагов и тихо сказал:

– Смотри, сколько сейчас звезд на небе!

Я послушно задрала голову вверх. Парочку одиноких звезд мне действительно удалось заметить. Нет, вон там еще одна... и еще... много...

В городе я вообще никогда не смотрела на небо, все больше под ноги да по сторонам. А ведь есть звезды больше, чем наше Солнце. И вокруг каждой могут вращаться ожерелья планет. Гроздь спутников и метеоритов... Голова кружится, стоит представить масштаб.

– У тебя в глазах тоже звезды, – серьезно сообщает Рай.

Мы смотрим друг на друга, и по телу моему пробегает легкая дрожь, прямо как в шаблонных любовных романах. Почему я считала их наивно-фальшивыми... Вот прямо сейчас у меня взаправду бешено стучит сердце и сладко ноет что-то внутри, а еще становится жарко, будто резко температура поднялась.

Рай наклоняется и осторожно целует меня, даже не целует, а лишь прикасается легко-легко. Я закрываю глаза и едва шевелю губами, чтобы ему ответить. Потом он проводит по моим губам кончиком языка, у меня подкашиваются ноги, перехватывает дыхание.

Со мной происходит что-то невероятное, хочется быть к нему ближе, обнять его за шею, притянуть к себе – притиснуться и замереть. Рай касается языком моей щеки, виска

и мочки уха, еще немного и я сознание потеряю или у меня из груди выпрыгнет сердце. Прямо ему на грудь и уже там будет биться за нас обоих.

– У тебя есть с собой ручка и лист бумаги? – хрипло спрашивает он.

– За-а-зачем?

Похоже, я напрочь потеряла способность разумно соображать.

– Мне нужно твое письменное разрешение, ты забыла?

И тут меня словно окатило холодной волной, я резко дернулась из его рук, но он только прижал меня крепче и начал тяжело дышать в самое ухо:

– Тш-ш-ш, тихо, тихо, не сердись... я помню, тебя сейчас нельзя трогать, я понимаю... а ты мне нужна... очень нужна... мне невыносимо трудно быть с тобой рядом и не прикасаться к тебе, маленькая моя.

Я еще немного посопротивлялась для приличия и затихла. Рай взял меня на руки и отнес в дом, словно маленькую несмышленную девочку. А мне ведь уже двадцать четыре «с хвостиком» и даже был небольшой любовный опыт. Вспоминать стыдно наши отношения с Олегом. Нелепое, пустое кино.

Конец страницы

Дома... ну, придется теперь называть домом большой пустой коттедж, мы еще долго разговаривали, лежа на кровати. Если честно, болтала-то я, а Рай просто слушал и иногда соглашался. Я пересказывала ему содержание книги Николая Никонова «След рыси». По-моему мнению, за эту книгу автору должны были дать Нобелевскую премию по литературе, так проникновенно и мудро написано о самом важном – об экологии души человеческой, никак не меньше.

Для меня в той книге самый печальный эпизод, когда одинокий самец рыси искал весной свою самку. Они вместе и не жили, «девочка» – рысь была самостоятельной и немного капризной, встречалась с другом только когда ее захлестывали особенные весенние желания. Пара гуляла вместе две недели, а потом «девочка» опять исчезала и бродила где-то сама по себе. И так продолжалось несколько лет.

А в ту последнюю весну самка не откликнулась на страстный зов «мальчика». Он долго и мучительно искал ее по всему лесу, а потом уловил запах ее крови и страха возле какого-то пня и попал в капкан – это была тщательно продуманная ловушка. Самку убил охотник, потому что шкурки рыси резко взлетели в цене на международных меховых биржах.

Лишившись двух суставов на передней лапе, молодой самец с большим трудом смог убежать от браконьера, и по-

том, пробираясь на другой конец леса, горько страдал от боли и тоски по «возлюбленной». Других кошек в округе не было – их вообще мало осталось в той местности, он был так одинок.

Автор описывал все переживания и муки зверя совершенно по-человечески и мне до слез было жаль рыжего хищника, столь редкого в наши дни. Повесть закончилась грустно, рысь все же застрелили ради забавы в лесу.

Зачем я выбрала эту историю для Рая? Не знаю, просто что-то нахлынуло – ночь, сосны под звездной крышей, теплое плечо друга. Он слушал молча, в темноте я не видела выражение его лица. И чтобы понять, как он реагирует на мои слова, я отняла голову от его груди, на которой уютно устроилась, и посмотрела в упор. Рай тяжело вздохнул, приподнял меня повыше и поцеловал в подбородок.

Я, конечно, сразу ответила ему, тоже поцеловала в подбородок, зарастающий колючей рыжей щетиной. И потом еще раз прямо в губы... по-дружески, насколько такое возможно.

Рай отстранил меня, сел на постель и scomандовал:

– Тебе пора спать. Я еще погуляю немного дома и тоже приду. Не жди меня, засыпай.

– Мне одной страшно! Не уходи, пожалуйста.

– Я буду рядом. А когда я рядом, с тобой не случится ничего плохого.

– Ты всегда будешь рядом? – уточнила я.

– Всегда. Обещаю. А сейчас спи!

Он уже собрался уходить, но мне в голову пришла одна неприятная мысль, и я не удержалась от вопроса.

– Рай... можно я тебя спрошу, только ответь честно – тебе Лилия понравилась?

– Она бабенка видная, но ершистая. Мягко стелет, жестко спать. И у меня есть ты. Я тебя выбрал. Не волнуйся.

А разве я собиралась волноваться? Я же просто так спросила, из спортивного интереса. И как я могла подумать, что он сейчас пойдет к ней? И если бы даже пошел, честно меня предупредил. Я была уверена, Рай не станет врать.

Не знаю, сколько еще он исследовал территорию вокруг дома, я быстро и крепко заснула, а утром обнаружила его спящим на соседней кровати прямо в одежде. Наверно, так устал, что не захотел подниматься на второй этаж.

Глава 7. Соперница

Поначалу мне все нравилось в «Северном». За пару дней я привыкла к неторопливому ритму сельской жизни, полюбила прогулки у озера, каждое утро приветствовала лодки у маленького причала, махала рукой чайкам, а после обеда бродила по чистому лесу у лагеря – ни одной брошенной бутылки или пакета не встретится, только ягоды костяники да разноцветные сыроежки – бледно-розовые, фиолетовые, нежно-зеленые.

Последние вполне могли оказаться поганками, но я же не планировала их собирать. Андреич сказал, до серьезных грибов вроде белых или маслят еще не пришло время. Недельку-другую придется обождать.

Никто не лез к нам с расспросами, мы с Раем были предоставлены сами себе и от вынужденного безделья непременно должны были сблизиться. Однако он не спешил делиться личными тайнами, все мои попытки узнать больше о его заграничной жизни провалились.

Зато мою-то простую историю Рай слово за словом потихоньку вытянул, я не умею долго молчать, а слушатель из него получился отличный. Особенно в полумраке тихой комнаты, когда за окном накрапывает дождь, а бергамотовый чай располагает к откровенности.

Дождавшись, пока я усну, Рай покидал дом и отправлял-

ся на свой лесной обход, как полушутя он пояснял утром. Каждый раз после его ночных прогулок у меня на столике появлялся новый сувенир – то узорчатый лист папоротника, то несколько пестрых перьев, перевязанных стебельком – «тетерка обронила», то букетик цветов – желтых, невзрачных или голубеньких, даже названий не знаю, просто очень приятно было его внимание. Правда, сегодня я отругала Рая за очередной подарок, умудрился сорвать сибирскую орхидею – любку двулистную.

Это редкое растение, оно даже в Красную книгу занесено. А еще про любку есть рассказ «Ночная фиалка» у Куприна. Жаль выхода в Интернет у нас нет, пришлось по памяти описать нюансы сюжета. А в конце рассказа я попросила:

– Возьми меня с собой в лес ночью. Вдруг что-то интересное встретится.

– Я далеко ухожу, ты устанешь.

– Ничего, на спинку к тебе заберусь, не привыкать, опыт имеется.

Рай хмыкнул, погладил меня по затылку и задержал ладонь на плече.

– Посмотрим на твоё поведение.

Я зажмурилась, подставляя щеку для поцелуя. Естественно, дружеского. Но Рай уже сиганул на улицу, догадываюсь отчего – так и не может простить мне «письменное разрешение». Нарочно раздражит взглядами или своим мурлыканьем, а когда я начну таять и ластиться, сразу сбегает. Лад-

но-ладно, напрашиваться не будем...

* * *

После обеда в столовой я увидела через окно неприятную сцену. Возле скамьи с резной спинкой Лиля, удерживая Рая за отвороты распахнутой ветровки, что-то бурно рассказывала ему, а он терпеливо слушал. Казалось бы, что тут странного, но меня поразило выражение ее лица. Она же в открытую соблазняла Рая.

Она смотрела на него так, словно уже собиралась выпрыгнуть из своего облегающего спортивного костюма ядовито-зеленого цвета в оранжевую крапинку. Тоже мне секси-камуфляж! Лиля трогала себя за распушенные волосы, что вились по ее округлым плечам, как змеи Медузы Горгоны, прикусывала полные губы и склоняла голову набок, прищурившись, а потом нарочито широко распахивала глаза, будто чему-то удивлялась. Старуха развратная! Озабоченная демоница!

Я, конечно, в сердцах сказала насчет старухи. Лилька выглядела отлично, ну, конечно, постарше меня, так зато и шикарнее. Одни ее кроссовки, наверно, были дороже всего моего скромного гардероба. И такой ровный золотистый загар получается только в солярии.

Скоро Лиля заметила меня, расплылась в ехидной улыбке, вздернула и без того выступающий подбородок. Я должна

была сделать независимый вид, тоже улыбнуться и подойти, но не смогла, хотя всегда считала себя девушкой не робкого десятка. Начальница базы подавляла меня даже издали.

Я не очень-то верю в биополе и всякую там ауру, но если у Лили она и была, то, пожалуй, сразу космического масштаба – холодная и мрачная как Вселенная. Но только по отношению ко мне, а вот приятных ей мужчин эта ведьма обволакивала дурманящей пеленой и засасывала в свое липкое болото, на дне которого водились всякие гады.

Я злилась... Я реально злилась сейчас – на себя и на Рая. Чего он с ней любезничает, если обещал быть рядом со мной, неужели из-за моих цветочных упреков обиделся? Какая глупость. Я просто не могла смолчать при виде вянувших зря краснокнижных видов.

Обдав парочку ледяным взглядом, я гордо удалилась к себе, и скоро меня догнал Рай, предложив вместе идти собирать чагу. Дался же ему этот древесный гриб, говорит, из него можно приготовить целебный напиток. Надо спросить у Андреича, можно ли брать чагу в августе...

Да мне все равно, я с Раем куда угодно, и даже соглашусь первой отведать грибного чая. Если отравлюсь – не беда, никто плакать не будет. Рыжему другую компаньонку найдут. Стоп. А вот это уже обидно. При мысли о том, что Рай будет мурлыкать с другой, резко расхотелось исчезнуть в небытие.

А вечером, после ужина, у меня неожиданно произошла беседа с нашей «опекуншей». Рай ушел к леснику, собирал-

ся спросить насчет просушки чаги, которую ему удалось наковырять с двух берез, пока я гонялась за ежиком. Андреич разбирается в народной медицине, и вообще любитель языком почесать насчет всяких рыбацких и охотничьих баек. Славно они спелись за пару дней с Раем.

Лиля позвала меня в свой кабинет и предложила выпить за знакомство. И я согласилась от неожиданности, вообще врага полагается знать в лицо.

– Эвелиночка, я вижу у тебя настроение плохое, хочу поддержать.

– Меня зовут Ева!

– Ой, давай сразу на «ты», а то я себя начинаю бабулей чувствовать. А всего-то старше тебя на пять лет, ерунда.

Она сейчас, загнула, конечно! Каких там пять лет – да все пятнадцать, не меньше! Лиля достала из сейфа маленькую бутылочку с золотым куполом вместо пробки, сдвинула со стола бумаги.

– Давай-ка за встречу, парочку капель, не более... маленьким вообще нельзя пить, но уж если за знакомство...

Я храбро глотнула темно-красную густую жидкость, и она горячо прокатилась по всему телу сверху вниз, а потом обратно к голове. В ушах зашумели сосны, запахло соленым прибоем и йодистым духом гниющих водорослей на берегу.

– Ну, как тебе? – оскалилась Лиля.

Мне почудились в ее глазах огоньки пламени.

– Нормально...

– Так и хватит, а то мне самой мало достанется.

Она чарующе рассмеялась, поводя плечами, словно цыганка в танце. В ее потемневших глазах заплескалось штормовое море. А я неожиданно осмелела или обнаглела, сама не пойму:

– Я вам хочу сказать, чтобы вы не приставали к Раю, он со мной.

– Ого! У малышки и зубки прорезались... А что ж ты ему не даешь, если твой?

Меня чуть не стошнило от такой пошлой прямоты, а потом я поняла, что отступать уже некуда, позади Надым и почти родные Кулебаки.

– Я вижу, как вы на него пялитесь. Зачем он вам нужен? Вы такая женщина... Гм... В городе себе найдите подходящего...

С языка у меня чуть не сорвалось неприличное словцо. Впрочем, собиратель русского фольклора А. Н. Афанасьев частенько его употреблял в своих «Срамных сказках», значит, оно почти народно – литературное.

Лиля громко и весело рассмеялась, некрасиво открывая рот, вернее, красногубый ротище.

– Да у меня их столько, что тебе и не снилось, деточка. Только надоели обрюзгшие офисные воротилы с пивными животиками. Они же такие ленивые в постели. Привыкли, что элитные крошки по вызову их как эскимо облизывают. Сами-то ничего уже не хотят и силенок нет. На жен-то нет...

на законных куриц.

В глазах Лили сверкнули пренебрежительные острые огоньки. Она наклонилась ко мне, перегнувшись через стол так, что обнажились холмики груди, приподнятые корсетом.

– А я хочу зверя, понимаешь? Жадного, голодного до меня самца. Пусть так обнимет, что все косточки сладко заноят. И чтобы у него непременно был большой член и волосатая грудь... чтобы до самого доньшка. Но ведь тебе не понять, детка!

Эта стерва наигранно застонала и уселась своей пышной задницей на стол передо мной.

– Ты же у нас цветочек почти нетронутый. Бутонок нераскрытый... нежненький совсем, не помятый.

Я смотрела на нее, не мигая, словно под гипнозом. Лиля облизала свой палец и провела им по моей нижней губе, а потом вдруг наклонилась и впиалась в мой рот бешеным поцелуем. Или это был укус... Я рванулась назад и чуть не упала со стула. А ведьма уже улыбалась как сытая гадюка.

– Овечка ты, овечка невинная – жаль времени нет заняться, я бы тебя тоже кое-чему научила, а то смотреть на вас двоих скучно... Дафнис и Хлоя по-русски... ничего-то не умеют, не могут.

– Отстаньте от нас, прошу по-хорошему! – прошептала я, силясь подняться.

– Не трясись, уеду через два дня. Но они будут самыми

жаркими – приготовься. Маршрут разведан, капканы расставлены, приманка откормлена. Сказки кончились, детка! Сама его возьми или это я сделаю, и тогда ты своего зверя даже во сне не увидишь.

Лиля фыркнула в мою сторону и с демонстративным презрением отошла к окну, принялась вглядываться куда-то далеко в сторону леса. А потом продолжила откровенничать:

– Давно бы отсюда сбежала, да появился интерес – так, на пару деньков... экспонат редкий. Такого в моей коллекции еще не было, жаль быстро надоел. Ты больше в лес одна не ходи. Я все-таки отвечаю за тебя, Коротков спросит. Эх, Леха-Леха, мне без тебя неплохо... Пора возвращаться в каменные джунгли.

– Доброй дороги! Плакать не будем, – огрызнулась я, наконец заслонившись стулом. Лиля даже внимания не обратила на мою реплику.

– Я бы задержалась, но папик, кажется, созрел до развода со своей «старой тыквой», сейчас договор о разделе имущества оформят и можно будет заезжать в его мраморные хоромы. Он, правда, не в списке Форбс, да ведь я не жадная.

Ты меня старухой считаешь, а ведь дяди с деньгами не только молодых любят. Они любят ласковых и умелых, а еще с норовом... Учись, малышка, пока я здесь. Собака ты на сене! Евочка-девочка.

Меня тошнило, во рту пересохло, губы ныли, не помню, как выбралась в коридор и нащупала уличную дверь.

Сейчас мне очень хотелось найти Рая и помириться, хотя мы вовсе и не ссорились. Просто я по-дурацки общалась с ним целых полдня – придиралась, ревновала, донимала шуточками насчет его способности по деревьям хорошо лазить. А ведь в чем-то эта ведьма была права. Если я хочу, чтобы Рай действительно был моим, надо вести себя иначе.

Надо показать, что он настолько мне симпатичен, что я совсем не против когда-нибудь написать свое согласие на тесный контакт. Шутка-шуткой, а зацепили его мои слова. Гордый. Самоуверенный. Летчик-истребитель.

Интересно, а где здесь мы найдем специальные средства индивидуальной интимной защиты? Вот ведь еще проблема, и как я раньше не подумала. Евочка-девочка...

Глава 8. Яблоко и змея

Ева

Я была абсолютно уверена, что Рай сейчас бродит где-то у леса, вот и направилась к границе поселка, напрочь позабыв странные предостережения Лили. Она специально хочет меня запугать-запутать, зря я перед ней стушевалась, надо было держаться жестче, тоже не стесняться в выражениях. В следующий раз врасплох не застанет.

Рая нигде не было видно, а звать его громко по имени я почему-то не решилась. Сам придет. И вот, когда уже хотела вернуться в коттедж, вдруг увидела незнакомого мужчину с ружьем на плече. Он был одет как деревенский охотник – резиновые сапоги с отворотами, старенький свитер, короткая стрижка волос пепельного цвета с залысинами на лбу.

– Здравствуйте! – воскликнула я первой.

– Ну, привет, если не шутишь. Откуда взялась?

– Я из города приехала вместе с другом. Мы тут с месяц, наверно, проживем. А почему вы с ружьем, охотиться в заказнике запрещено?

– А это, барышня, только для самозащиты, я слышал здесь дикого зверья навалом. Как бы чего не вышло.

Я невольно отступила назад, разглядев его лучше. Что-то неуловимо знакомое мелькало в интонациях неспешного говора и даже внешности. Смутно близкое... достигнувшее

меня из давнего прошлого.

Мужчина был невысоким и коренастым, широковат в плечах. Не стар, но точно больше сорока лет. Лицо грубоватое, напряженное, маленькие, глубоко посаженные светлые глаза нервно бегали по сторонам, успевая охватить меня и все вокруг за доли секунды.

И когда в ответ я также смерила его внимательным взглядом, сразу же поняла источник своих аллюзий. У охотника была татуировка на шее, причем, довольно нехорошего значения. Отец мне когда-то рассказывал о подобных «партаках». Именно этот рисунок нельзя было делать забавы ради, а только за выдающиеся заслуги, подтвержденные уважаемыми свидетелями. Очень уж серьезная штука по воровскому кодексу чести.

У мужчины, который сейчас стоял передо мной, в шею был «воткнут» нож. То есть с одного плеча у горла нож в шею входил, а с другой стороны показывалось острие. Этот рисунок означал, что владелец его человек агрессивный, легко и умеючи пускает в ход холодное оружие. Ну-у, еще кровная месть, например.

Не то, чтобы я очень испугалась, но холодок близкой опасности по спине все-таки пополз.

– Лиля еще не уехала? – прямо спросил охотник, шагнув в мою сторону.

Странно, что такой мутный тип водит знакомство с нашей изысканной кралей. Хотя она же упоминала свою кол-

лекцию, может, в ней как раз не хватало столь эффектного типажа.

– Через три дня должна укатить. Скорей бы!

– Чё ты злая на нее? – усмехнулся охотник.

– Да ведьма она!

Я вдруг почувствовала странное расположение к лесному дядьке. Как будто явная принадлежность к криминальному миру сближала его с отцом. Раскусив мой доверительный настрой, он тоже заметно расслабился, стащил с плеча рюкзак и начал в нем рыться.

– Яблочко хочешь? Местное, из дедова сада. На, оцени!

Брать у него гостинцы мне не хотелось, как и обижать отказом. Еще подумает, что я городская, чванливая.

Неуверенно протянув руку, я в тот же момент едва ее не отдернула, потому что увидела новую картинку – чуть выше запястья охотника была наколота змея с яблоком в раскрытой пасти.

– Да, бери-бери, не бойся, баб я не кусаю... разве только сами попросят! А тощих девчонок и тем более... было б за что кусать. Мытое уже, пробуй!

– Я не боюсь. Спасибо. Разве Яблочный Спас уже прошел?

– Вспомнила старый праздник, надо же! – похвалил охотник, и завязывая рюкзак, неожиданно забормотал себе под нос стихи советского поэта: «Отчего тебя упас золотой иконостас...»

– Вы Маяковского любите? – обрадовалась я.

– Чего? А-а... сосед по койке книжки любил читать вслух. Ему хотели пайку в глотку забить, да бугор заступился. Хорошая песня, говорит. Правильная.

Яблоко оказалось на удивление сочным, с приятной кислинкой. Я хрустела им и думала с досадой, что уже второй случайный мужчина хвалит в женщине полноту. Правда, охотник в возрасте, может, с годами меняются у людей вкусы. Любимый мой писатель Николай Никонов почти в каждой своей книге провозглашал гимн объемной женской фигуре, а уж он разбирался в настоящей красоте.

– Еще бери... у меня их пол мешка, нынче богато поспело. Лильку угостить хотел, да она теперь не показывается.

– Зря вы с ней связались, – понесло меня советы давать. – Она же гадюка. И вы для нее – экспонат. Она час назад мне призналась, что все мужчины как жуки на булавке. Она и на друга моего глаз положила.

Вот болтливый язык! И с кем я так откровенничаю, но, главное, зачем? Будто приняв гостинец, я обязана была поддержать дальнейшую беседу. Воспитание требовало.

Охотник сел на пень, поставил ружье между разведенных колен, прошелся по мне изучающим взглядом.

– Это не тот ли рыжий, что в мой лес зачастил? Неужели из новой партии?

У меня рот сам собой раскрылся.

– Как это ваш лес?

– Хозяйничали мы тут раньше с приятелем – царство ему

подземное. Заказник ведь не так давно объявили, а раньше было раздолье. Пока другого зверья сюда не завезли. Тьфу-тьфу... хрык!

Он смачно сплюнул в сторону и утерся рукавом, злобно сузив и без того запавшие глаза с темными полукружьями под ними.

– В каком смысле «зверья»? Что за партия? – допытывалась я.

И тут разрисованный дядька такое рассказал, что у меня похолодело в груди и ладони взмокли. По его версии, люди, поселившиеся здесь раньше, – это мутанты, их обрабатывали радиоактивным излучением и скрестили с животными. А потом подсунули им обычных баб, ну, в смысле женщин, чтобы проверить, какое будет потомство.

И вполне очевидно, что мой Рай – тоже полужверь из последней партии эксперимента. Пока я ошарашенно моргала, взвешивала новую информацию, охотник, насладившись эффектом от своих слов, принялся сам с собой рассуждать:

– Что Лилька уедет, я уж давно понял. Я на такую ершистую сучку и не претендую. Я – вша для нее, блоха лобковая. Хоть помазать себя позволила и на том спасибо. Больше мне такой сладкой телочки в руках не держать. А ты уезжай с ней, пока тебя рыжий урод не испортил. Или насильно держат? Заставляют давать?

Мужчина вдруг строго взглянул из-под темных густых бровей и мне стало жутко.

– Ничего я никому не давала. И так скоро уеду. А-а... вы точно знаете про этих людей? Кто вам сказал?

– Да вся округа знает. Мне – как вернулся, сразу донесли. Эх, моя бы воля...

Он снова чересчур пристально взглянул на меня, словно что-то прикидывая. Я нервно затараторила, опустив глаза.

– У меня отец тоже был там, где вы. У него звезды на коленях.

– Четкая тема. Щас-то где батя твой?

– Он в Сургуте на заводе работает... наверно. Он ушел от нас с мамой. А мама этой весной умерла.

– Так ты сиротка теперь. Дай, хоть я пожалею.

Он вдруг придвинулся ко мне вплотную и на полном серьезе попытался облапить. Я отпрыгнула в сторону и закричала изо всех сил:

– Ра-а-а-й!

Охотник тряхнул меня за плечи и, противно пахнув никотином в лицо, зашипел:

– Ты чё блажишь, «соска»? Я те чё сделал?

– Только попробуйте!

Мне было не так страшно, как обидно, мы же только что нормально разговаривали, я ему душу открыла, а он решил, что теперь можно и потискать. Как с Лилей – коллекционершей. Даже представить их в обнимочку не могу, как же она до него снизошла... докатилась.

Мужчина надсадно закашлялся, снова харкнул в сторону,

схватил ружье и пошел дальше в лес. А я потащила к дому и увидела, как по лугу навстречу бежит Рай.

– Где ты была? Что случилось? Ты меня звала?

Я только глазами хлопала, я ничего не могла понять. В голове каша: мутанты, люди-звери, змеи в траве... Значит, и Рай такой же? Нет, этого быть не могло! Он – обыкновенный человек, просто немного не в себе, вот и все. Не могу же я верить словам всякого уголовника. Мало ли чего наплетет. Дура! Ой, какая дура – расчувствовалась, папика вспомнила, тот еще гад ползучий, мамочке жизнь сломал, меня бросил, а я скучала, ждала...

Рай понимал, что со мной творится что-то неладное, завел в дом и попытался успокоить. Я сидела на кровати, точнее, Рай сидел на кровати, а я у него на коленях. Сердце у меня стучало, руки дрожали. Он тихонько целовал и гладил меня, а я даже никак не реагировала на прикосновения.

Я прислушивалась к себе, а в голове словно красногубый дятел стучал: «Зверя хочу, голодного, жадного зверя-веря-веря-веря...»

– Рай, скажи, ты хороший?

– Для тебя – да, – без запинки ответил он.

– Ты совершил преступление за границей?

– Я себя защищал.

– Значит, ты ни в чем не виноват? Почему нас тут держат, когда разрешат отсюда уехать?

– Я бы еще остался. Тебе плохо со мной?

– Я немного запуталась, надо подумать.

– Время у нас есть.

– Угу!

Он снова поцеловал меня, чтобы я прекратила сомневаться, привалился рядом на постели, просунул ладонь под мою футболку и освободил грудь от бюстгалтера. Даже не спрашивал разрешения на активные действия. Я сама очень этого хотела... но в дверь постучали, сначала негромко, а потом показалось, будто на крыльце орудует дятел размером с лося.

Рай бросился в коридор и скоро оттуда послышалось томное воркование Лили. Надо было немедленно выходить, чтобы ни в коем случае не оставлять его наедине с этой опасной женщиной.

Я встала с кровати и приготовилась дать «опекунке» самый решительный отпор. Однако спасти Рая от общества Лили мне не пришлось, он успел куда-то сбежать. Не по ее ли поручению? И ведь мне не сказал ни слова... За него Лилиа сама отчиталась:

– Андреичу помощь нужна, егерь куда-то пропал, второй день не показывается, а старик ждет.

Она посмотрела на меня испытующе, злорадно усмехнулась:

– Прости, Евочка, я вам не помешала случайно?

– Все в порядке, наворачстаем, – сквозь зубы бросила я.

– Успевай, ягненок, успевай.

– Может, и ягненок, а вы тогда кто? Прости, Господи...

Лиля от души рассмеялась глубоким грудным смехом.

– Да простит, он простит, не волнуйся, куда же он денется-то, старый... Он ко мне с самого начала расположен, никогда не обижал. Все, что по жизни хотела, я всегда получала. Вот так-то, детка!

– Рая вы не получите!

– Да ты мне сама его отдашь, на блюдечке принесешь. Ты же чистюля, а он... Ты хоть знаешь, что он такое?

И Лиля в резких выражениях подтвердила чудовищную теорию охотника о зверо-людях, которых иностранцы пичкали чужеродным ДНК. Это походило на бред, но разве я не верила в более заковыристую версию о пришельце? Не до конца, конечно, но была готова поверить без паники и заламывания рук.

– Вы-то откуда все это знаете?

– Я давно знакома с проектом, должна была вместо Ольги помогать Алексею, а он на ее кандидатуре настоял. Трусишка! Меня бы не потянул. Я не спорила, что мне в лесу делать? Да и «папочка» бы не отпустил.

– А что изменилось? Сейчас папочке все равно? – съязвила я.

Лиля оценила укол и терпеливо добавила:

– Сейчас я в изгнании, прошу учесть – в добровольном изгнании. Сама себя отправила в ссылку. «Кошелечку» условие поставила – не оформит развод со своей «клушей», не вернусь к нему. Надоело прятаться, открыто с ним жить

хочу. Он уже второй год между нами мечется, старый кобель, все скулит: «Дай в Думу переизбраться, не мешай карьере» Надоело! Звонил вчера, просил прилететь в Москву, сказал, что жене дал крупные отступные и отправил в Испанию – отдохнуть от судебных разборок.

Мне было противно ее слушать. Да и она, откровенничая со мной, отнюдь не выглядела счастливой. Рассматривая Лилю при ярком солнечном свете из раскрытого окна, я заметила все ее наметившиеся морщинки, «гусиные лапки» и горькие складочки у губ, которые со временем не скроют никакие модные современные процедуры и подтяжки.

Меня волновало другое. Лиля скоро уедет, а мы с Раем останемся здесь вдвоем. И мне нужно будет принять его таким, какой он есть. Или постепенно дистанцироваться. Но почему? Я вспомнила фотографии бывших жильцов поселка, мужчины на них не выглядели уродами, а женщины светились от счастья. И здоровые, красивые малыши.

Я должна отказаться от Рая лишь потому что он незначительно отличается от стандартных мужчин? Не такой, как все... Станный. Особенный. Одинокий. Как тот «мальчик-рысь» из заветной книжки. Если я исчезну из его жизни, он тоже может затосковать. Будет искать меня, мчаться по следу и попадет в ловушку. Этого нельзя допустить. Я должна уберечь, спасти, даже если пока не знаю как, я просто должна оставаться рядом и продолжать верить в него.

Когда мы вышли из коттеджа вдвоем с Лилей, мне пока-

залось или отношения между нами уже не были такими напряженными, как в первые дни. Я еще подумала, что у нее теперь другие планы, и Рай в них не входит. Как же я тогда ошибалась...

Лиля сказала, что хочет прогуляться к озеру, а я отправилась искать друга. Рай сидел на бревне возле домика Андреича, скоблил ножом молодую картошку, опять они собираются варить уху или запекать на углях, едва прогорит костер.

Я осторожно присела на перевернутое ведро с отломившейся ржавой дужкой, молча наблюдала, как слетают коричневые чешуйки с молодых клубней. Я могла бы долго смотреть, как движутся ловкие пальцы Раю... Вдруг захотелось услышать его голос, заглянуть в глаза.

– Много еще осталось? Давай помогу.

– И чего тебе давать? – деловито поинтересовался Рай, не отрываясь от работы.

– Нож! – с вызовом отвечала я.

– В тазике на столе... Тут я сам справлюсь, лучше лучок порежь. Ох и злющий! И заодно капусту. Пожарим на сале, знаешь, как будет вкусно с картошкой?

– Представляю. Уже слюнки бегут.

От его спокойно-будничного тона защипало в носу, теперь я ни за что не хотела уходить к старому, колченогому столу, где раскладывал припасы Андреич, ведь пришлось бы поворачиваться к Раю спиной. Зато можно вволю наплакаться, списав красный нос на луковую агрессию.

– Ты мне так и не сказала, кто тебя в лесу напугал.

– Да так... леший случайный...

Я не успела договорить, далеко за озером раздался отчетливый звук выстрела. Рай тут же вскочил на ноги, а следом кряхтя, поднялся и лесник.

– Это кто опять у нас барагозит? – сердито воскликнул он. – Как про радиацию слух пошел, охотников сюда и на аркане не затащить. Это кто же у нас такой смелый завелся? Пойти, что ли, шугнуть...

– Я, наверно, его и видела в лесу. У него на руке змея.

Андреич озадаченно засопел, а Рай уставился на меня потемневшими злыми глазами.

– Больше от дома ни на шаг!

Они словно сговорились с Лилей меня сторожить, да я и так гуляю на виду лагеря.

Андреич откровенно недоумевал:

– Стрелять сейчас никак нельзя, утки второй выводок летать учат, всех перебьют сдуру. Им-то забава... Да Егорка еще как на грех потерялся, вчера должен был бумаги из райцентра привезти. Ну, как в воду канул парень.

Рай подобрался, словно зверь, желающий взять след, уловив тончайшую нить аромата добычи.

– Я пойду в лес и посмотрю.

И тут я решила прямо спросить об охотнике.

– Дядя Степан, вы же, наверно, всех местных знаете. Мужчина под пятьдесят, меня немножечко выше, широкий, руки

длинные... у него татуировка вот здесь... змея с яблоком.

После моего описания старик посерел лицом и тяжело завалился на импровизированную лавку.

– Вот беда! Неужто Захарку выпустили? Это ж за какие заслуги, ему, вроде, «семерку» вlepили.

– Что за человек? – нахмурился Рай.

– Да наш бандит трошинский – Калганов Захар. Его тут все знают... так «Калганом» и кличут... Он после первой ходки пришел со змеем на руке, многие любопытничали. Дурной человек! Друга своего зарезал, прямо как поросенка – десять ножевых. Хоть бы покаялся на суде, нет, говорит, заслужил.

– За что он его? – ахнула я, с ужасом припоминая подробности встречи на поляне. На языке еще будто оставался терпкий кус зеленого яблока.

– Бабу они не поделили. У Захара жена красивая – Светланка, раньше к ней Темыч сватался, только она выбрала Калгана, он повиднее мужик. Ухарь такой, чуть что сразу в драку! А вы же, дуры, отчаянных любите! И то невдомек, что сами потом на горячий кулак нарветесь. Светка тоже пожалела поздно, а Темка ее и утешил. Я свечку не держал, может, сплетни. Темку потом в лесу нашли с перерезанным горлом, а Светка Калганова... – Андреич замялся.

– И что? Ее он тоже того... – догадалась я.

– А что! Повесилась она в сараюшке. Может, сама, а может, кто и помог. Дело на всю область гремело, не думал, что

Захарку так скоро в наших краях увижу, не думал.

Андреич заметно обеспокоился появлением в окрестностях «Северного» заядлого охотника и браконьера Захара Калганова. И в моей душе кошки скребли – яблочко из чужих рук приняла, а руки были в кровище по локоть.

Рай ухватил меня за плечо, заставляя подняться.
– Пойдем домой!

Мы вернулись в коттедж, который уже почему-то легко называли «домом». И впрямь, поглядеть на нас со стороны – чем не семейная пара? Мы даже внешне друг другу подходим. И, пожалуй, гармонично дополняем друг друга в наших характерах.

Он молчит, я – болтаю. Он часто хмурится, а я улыбаюсь даже сквозь слезы. Если его нет рядом даже пять минут, начинаю скучать. Мой Рай... Мой ли ты, Рай? Только ли мой? Мне надо знать твердо, потому что ни с кем не намерена тебя разделить. Беру себе со всеми твоими тайнами и скелетами в темных подвалах прошлого. Хотя бы одного одинокого рыжего зверя я должна спасти.

Глава 9. Забытое имя

*...Не ходи ко мне, желанная,
Не стремись развлечь беду –
Я обманут ночью пьяною,
До рассвета не дойду;
Из-под стрехи в окна крысится
Недозрелая луна;
Все-то чудится мне, слышится:
Выпей, милый, пей до дна!..*

«Оборотень», Хелависа

Спокойно скатился к ночи беспокойный день. Мы с Раем чаевничали на кухне нашего домика, и я опять пересказывала сюжет иностранного фантастического фильма. Рай слушал внимательно, он тоже любил истории про полеты и небо, про далекие планеты и раскаленные звезды.

А я вдруг подумала, что Рай вполне мог стать космонавтом и даже первым человеком, полетевшим в космос, если бы все так трагично не случилось в его жизни, неразрывно связанной с судьбой нашей большой страны.

Все изменила война, искалечила душу и тело. Рай чудом смог выжить и вернуться домой. Только уже новым существом. Но стал ли он хуже...

– О чем думаешь сейчас? Ты уже пять минут смотришь на меня и молчишь, – сурово вопрошает он.

– Да? Прости... Я все время куда-то улетаю. Зацеплюсь мыслями за одно облако, а потом перепрыгну на другое – все дальше и дальше.

– Возьми меня с собой. Я тоже хочу в небо.

Подошла к нему и прижала кудрявую голову к своей груди. Наверно, он сейчас слышит, как мечется у меня внутри сердце.

«Родной мой, золотой, солнышко мое рыженькое!»

Все наветы Лили растаяли, отступили серым туманом, меня охватила жалость и нежность – эти чувства тесно переплелись и яростно поднимались по моей крови, словно муксун на нерест.

Рай взял меня на руки и отнес в спальню.

– Разрешение когда будешь писать?

– Я так... в устной форме. Простыми словами.

– Ну, уж нет! Скажешь потом, что я тебя, маленькую такую, обижал.

Он засмеялся, как озорной мальчишка, поцеловал меня в нос. Я тоже смеялась, обнимала его, помогала стянуть через голову футболку, сначала его, потом свою. А потом мы снова услышали звук выстрела где-то со стороны озера. Рай даже зубами заскрипел.

– Там скрад у него соломенный, прямо на лыве уток караулит. Я еще лебедей видел вчера, первый раз в жизни. Аж две пары! Ох, и красивые птицы. Он их пристрелит играючи, для него ничего святого нет.

Рай начал быстро одеваться с явным намерением бежать в темноту. Я чувствовала себя брошенной, немедленно забытой. И уже когда Рай собирался броситься за порог, не выдержала и закричала первое, что в голову пришло:

– Саш, подожди!

Он качнулся назад, словно его ударили, а потом медленно повернулся и встал передо мной. В сумраке я не видела выражения его лица, только очертания большого силуэта возле кровати.

– Почему ты меня так назвала?

– Не знаю, само вырвалось. Я все время хочу тебе рассказать историю одного летчика, он был сбит во время воздушного боя, две недели полз к своим по снегу в лесу, ноги отморозил, но даже на протезах смог водить самолет. Настоящий герой. Его звали Александр Мересьев.

Рай помолчал пару секунд, а потом тихо, но твердо меня поправил:

– Неверно ты говоришь... Его звали **Алексей**. И **Мересьев**, а не Мересьев. Мы все про него знали. Он же легенда! Он и на протезах пять самолетов сбил на своем «Яке». Над Курской дугой это было... Борис летал в его звене – мой товарищ, учились вместе.

Потрясенная его признанием, я робко кивнула, а Рай продолжал.

– А ты хоть на мгновение представить можешь, что там творилось – на земле и в воздухе, и часто одновременно? Я,

конечно, в сказочном-то аду не был, но понятие о нем теперь имею отличное. Страшнее ничего не может быть. Земля и небо – это сплошной огонь и стоит жуткий вой от падающих самолетов, а внизу грохочет артиллерия... там стоит дым... чад... гарь... и в этом кошмаре живые и мертвые люди... и множество полуживых – хрипят, стонут.

И ни одного нашего парашюта, представляешь? Никто не планировал спастись. Горит самолет – дотяни машину до немецких позиций и сдохни там, разгромив напоследок хотя бы часть их батареи, просто упав сверху с оставшимися бомбами... или прямо в воздухе иди на таран... так делали многие.

У меня до сих пор перед глазами стоит картина: над пылающим полем проносятся штурмовики, повыше гудят истребители, потом наши «пешки», ну, пикирующие бомбардировщики «Пе-2», они высоко летали...

Мы столько «бомберов» тогда посадили с ребятами, а сколько наших «Илов» они сбили в это железное месиво, прямо на танки – свои и чужие.

Знаешь, я много про это потом думал. В начале войны Сталин разрешил людям в церкви ходить, а ведь, бога нет, Ева... Он не мог бы просто так на эту бойню смотреть. Если мы его дети, он был обязан вмешаться и прекратить. Что же он? Не хотел... или не мог...

А если он все-таки есть и не остановил, тогда Бог – кроваважское чудовище, которому время от времени нужно стал-

кивать нас – «божьих тварей» на поле боя. Он забавляется, двигая наши армии по своей шахматной доске, управляя нами, словно пешками и ферзями. Под пение блаженных ангелочков, решая, кому пожить пока, а кому умирать в нечеловеческих муках... медленно и безнадежно.

Может быть, древние предки наши – язычники, знали о Боге гораздо больше, чем мы – их прямые потомки? Они-то как раз понимали Его истинную натуру, когда мазали деревянные губы идолов кровью и мясом...

Почему Бог так любит кровь, Ева? Особенно детскую, невинную кровь. Нам рассказывали, как изможденных русских детей из концлагеря делали донорами для раненых немецких солдат, у детей брали кровь, плазму и кожу для пересадки их «обгорельцев».

Почему он допускает страдания детей на войне, да и не только на войне? Ты можешь сейчас мне ответить? Почему мы здесь обязаны страдать по Его воле?

Рай замолчал, глядя мимо меня в стену. Я попробовала выдохнуть и проглотить комок, застрявший в горле. Я должна была что-то сказать, но, кажется, Рай вовсе не ждал ответа. Тогда я начала говорить для себя, в надежде, что мой голос хоть немного успокоит его и отвлечет.

– Ты ведь не один обо всем этом думаешь. Многие люди... каждый день, каждое тысячелетие, наверно, еще до Иова. Один и тот же вопрос – зачем мы здесь и что такое бог?

Я не знаю, Рай... Я правда, не знаю, но раз уж я есть и есть

ты – надо же как-нибудь жить... надо хоть что-нибудь делать, а есть Бог или нет, это не так уж важно.

Если он тебе нужен – верь ему, только не в него, а именно ему – просто верь, что все, что с нами случается, имеет странный сокровенный смысл, и тогда будет легче... даже страдать. Мы мало можем изменить, у меня тоже бывает такое чувство, что мы лишь марионетки, плывем по неведомым течениям и бьет нас о камни и швыряет в водовороты, иногда выбрасывая на пологий песчаный берег, где можем немного погреться и передохнуть перед новым рывком.

Разница только одна – можно зажмуриться от страха и вцепиться в бревно, на котором плывешь, проклиная злую судьбу, правительство, собственную страну и соседей по дому. А можно оседлать это бревно сверху, обнять его руками и просто смотреть по сторонам и вперед, тогда многое увидится совсем иначе.

– Ты словно книжку читаешь, – недоверчиво усмехнулся Рай.

– Да я хочу помочь... Я близко чувствую все, что ты хочешь сказать, твою боль, твоё возмущение. Если можешь что-то изменить – так меняй! Или плыви вперед с улыбкой, даже если у тебя нет ног или глаза ничего вокруг не видят.

И если ты не можешь слышать и говорить, вообще не способен двигаться – попробуй думать о чем угодно... даже можешь мысленно спросить у Бога... ну, хотя бы попытаться.

Хоть кто-то же должен услышать нас и ответить так, чтобы

поняли. Иначе зачем все это вообще?

Рай молчал, опустив голову, а потом отрешенно сказал:

– Мне нужно сейчас идти. Закрой за мной двери и никого не впускай в дом ночью, даже ту женщину. И не жди меня, ложись спать, я вернусь поздно.

Он взял ключ от входной двери и скрылся в темноте, а я почти до утра просидела на заправленной кровати, обнимала колени, прижатые к груди, и плакала, пытаюсь поверить и примириться с его невероятной историей, с таким потрясающим прошлым. Смогу ли я стать частью его судьбы...

Я сейчас так хотела, чтобы Рай остался рядом, чтобы он гладил меня по волосам и шептал что-то доброе. Пусть бы теперь он говорил, я тоже умею слушать. А он ушел в ночной лес. А ведь там темно и опасно. Там водятся змеи. Там рыщет меж сосен человек-змея.

* * *

Бесшумной легкой походкой Рай стремительно двигался в сторону, откуда прозвучал выстрел. Он не успел еще добраться до озера, как издали заметил бредущую навстречу сторбившуюся женскую фигуру. В том, что это была именно женщина, Рай не сомневался – за много шагов ее выдавал тонкий пряный запах духов.

– Что ты делала ночью в лесу?

– Воздухом свежим дышала. Видишь, какая бодрая и пол-

ная сил?

Держась за щеку, Лиля продолжала хромать и вдруг тяжело ухватилась за плечо Рая, наваливаясь на него всем телом.

Он успел поддержать ее и глухо спросил:

– Кто тебя ударил?

– Не разглядела впотьмах. Завтра наряд полиции разберется.

Рай издал возмущенный возглас, и Лиля крепче прижалась к нему, будто ища защиты. Исходящий от нее запах возбуждения, досады и гнева остро щекотал ноздри.

– Тебе нужен врач?

– Нет, просто помоги добраться до комнаты, меня ноги не держат. Не бросай, пожалуйста, помоги!

– Где он сейчас? Я найду и заставлю ответить!

– Нет, миленький, нет – это все потом, я ребят вызову с поста, они его заберут. Он же больной... смертельно больной человек. Я его чуть-чуть пожалела, может, зачтется, меня с детства тянет к яме, но тебе не понять. А сейчас нужно лечь... Я сама не дойду, только держи меня крепче.

Рай довел ее до главного корпуса и, переступив порог, замер в нерешительности, но Лиля и не думала его отпускать.

– Спасибо, мой хороший! Посиди пока тут, я умоюсь, а потом выйду к тебе.

– Мне нужно к Еве вернуться. Ты способна и сама о себе позаботиться.

– Да, конечно, конечно, тебе надо к девочке идти, я пони-

маю. Она молоденькая, красивая, а я уже не нужна никому – старуха. И все видят только мое тело, а что творится в моей душе, вот здесь, прямо в груди... Смотри!

Она дернула трикотажную кофточку, полетели на пол пуговицы и Рай увидел полную белую грудь, высоко поднятую черным кружевным бюстье с алыми ленточками, что змеились вокруг соблазнительных чашечек.

Рай отчетливо понимал, что следует запретить себе смотреть на тугое ладное тело, призывно выглядывающее из-под ажурных кружев, но Лиля не сдерживала эмоций:

– Пожалей меня, ну хотя разочек приласкай! Я ведь совсем одна, несколько лет в детском доме росла. Меня никто не любил по-настоящему. А ведь я не глупая, не ленивая – майорского звания честно добилась и не через постель.

– Все самое ценное своим трудом достается, – рассеянно заметил Рай, отступая к двери.

– Нет, подожди-подожди. Я тебе откроюсь, меня в пятнадцать лет изнасиловали, никогда не смогу им простить... всем вам не смогу простить, но ты-то другой... Я вижу, ты тоже страдаешь. Думаешь, тебя никто не полюбит из-за звериной сути, и ты прав. Эта дурочка испугается, когда все узнает, она не примет тебя.

– Ева теперь знает! Я сам ей рассказал. И ничего не боюсь. Как решит, так и будет, – быстро проговорил Рай.

– Хорошо... это все хорошо, – сдавленно бормотала Лиля. – Я за вас рада. Правда. Пусть хоть кто-нибудь будет

счастлив. А мне так плохо. Надо выпить лекарство и станет лучше. Подожди, я дам и тебе глоточек, а потом ты пойдешь к ней. Подожди...

Рай мог бы повернуться и уйти, даже убежать от нее, от этого тягучего, манящего голоса, что заволакивал сознание мутной пеной, от ее сверкающих возбуждением глаз, влажных голодных губ.

– Вот, выпей со мной, тут на доньшке совсем, смотри, я начну первой... Ну, ты же не боишься меня? Такой большой, сильный, красивый... у тебя все должно быть хорошо. Ты много перенес, много мучился, столько несправедливости на тебя свалилось. Теперь все позади, теперь у тебя начнется новая, достойная жизнь. Пей, же, пей, миленький...

Рай сделал пару осторожных глотков из фужера и вдруг почувствовал, как под ногами качается пол. Попробовал опереться руками о стену, но они тоже пришли в движение, грозя раздавить.

Единственным ориентиром выступило из мрака белое женское лицо с черными бровями, изогнутыми словно луки. Глаза Лили были похожи на два глубоких холодных омута. Ярко-красные губы растянулись в презрительной усмешке.

– Отдыхай, дорогой, отдыхай... я всегда своего добиваюсь. Неважно, какой ценой.

Глава 10. Люди и звери

Ева

На рассвете прошел дождь, от полуоткрытой форточки несло сыростью. Я проснулась с больной головой и красными глазами. Рай так и не вернулся.

Наскоро умывшись и недолго думая, побежала его искать. Ноги сами привели к главному корпусу. На этот раз меня подстегивала не ревность, а только смутное предчувствие беды. Я стучала долго, ругалась вполголоса, и наконец, мне открыла Лиля в коротком шелковом халатике на голое тело.

– Брр-р, заходи скорее, холодно сегодня! Ну, чего тебе?

– Лилия Яковлевна, мне нужно Рая найти. Он вчера убежал в лес на выстрел и дома не ночевал. Его нет до сих пор, я сильно переживаю.

– Да тише, ты – тише... Он здесь, еще спит... устал. Захочет, к тебе придет, не захочет, останется со мной. Видишь, как все просто. Тебя мама не учила, что за мальчиками бегать неприлично? Мальчики сами должны девочек завоевывать, а девочки не слишком долго должны ломаться. Теперь поняла?

Меня словно окатили ведром ледяной воды. Мой Рай ночевал у этой... этой... Лилия похлопала себя тыльной стороной ладони под подбородком, сложила губы трубочкой, потом надула щеки, будто делала гимнастику для лица. Без кос-

метики она выглядела на все свои сорок с хвостиком.

– Позовите Рая! – упрямо повторяла я.

– Убедиться надо – пройди, убедись! Только не буди его, а то еще гадостей наговорит. О-ой, а чего накуксилась? Дуреха... раньше надо было брать быка за рога. Мужчины, они же в этом смысле несмышленные телята, кто крепче взял за одно место, тот за собой и поведет. Народная мудрость. Ничего, ничего, ты еще молодая – научишься, есть потенциал, у меня глаз наметан.

Мне хотелось шлепнуть ее по розовой, мягкой щеке, вцепиться в распущенные черные волосы, ударить головой об стену. Желание причинить боль было настолько яростным, что я сама себе ужаснулась. Прочитав выражение моих глаз, Лиля отступила на шаг и скрестила руки на груди.

– Шла бы ты в столовую, я тете Свете блинчики заказывала вчера, покушаешь, погуляешь, успокоишься. Только не вздумай топиться или вешаться с горя, он таких жертв не стоит. Отрубился с пяти капель... тоже мне зверь... толку с него.

– Не смей его так называть! – прошипела я.

– Ой, обиделась! Да все мы тут животные собрались, еще не врубилась? Зверинец на свежем воздухе! Форменный цирк, – ехидно хохотнула она.

– Вас из какого серпентария привезли?

Лиля разозлилась и неожиданно резко толкнула меня за двери. Мне было все равно куда идти и что делать даль-

ше. Показалось, я снова вернулась в тот день, когда умерла мама, нахлынуло такое же чувство безысходности и тоски, одиночества и отчаяния.

Добравшись до берега, я села на бревнышко у мостков и крепче закуталась в курточку. День хмурился, ветер собирал тучи, пророчил затяжные дожди. Под стать погоде было и мое настроение. А что? Переживу и это... Дождусь, пока Ольга приедет и попрошусь в город, думаю, мне обязаны оплатить проезд до Москвы, а там недалеко и Кулебаки.

Скоро у детишек начнутся занятия. Буду объяснять им, отчего Анна Каренина под поезд легла и почему «все счастливые семьи счастливы одинаково, а каждая несчастливая семья – несчастна по-своему».

Только ведь они маленькие еще и всего не поймут. Искусству быть счастливым не учат в школе. И даже в Академии. Искусство быть счастливым каждый должен воспитать в себе сам. По мере своих собственных сил.

Мое тягостное уединение нарушили тяжелые шаги за спиной. Оборачиваться не стала и лишь немного отодвинулась на край бревна, когда рядом уселся невысокий плотный мужчина с рисунками на теле.

– Чё урвелась вся? Рыжий обидел? Поделом тебе, овца, знай в другой раз с кем дружбу водить, – с мстительным удовольствием пробурчал Захар.

Да, какая я ему «овца»! И тут меня понесло... желтые камыши поплыли перед глазами, смешались с очертания-

ми дальнего берега. Столько накопело в душе за последние дни – надо бы выпустить пар, сдуть раздражение.

– А вы чего пристали ко мне с базаром? Лес – ваш, вот и топайте по нему, пока снова не закрыли. Здесь стрелять нельзя, до вас не доходит? Лесник завтра ментов пришлет, выловят вас как оленя, по-другому запоете в гостях у «хозяйина».

Я даже попыталась деловито сплюнуть в сторону, правда, получилось не очень театрально, зато Калганов притих на какое-то время, съежился. И вдруг снова разразился лающим кашлем, будто у него нутро выворачивало. Худо ему было, аж согнулся пополам. Я поднялась с бревна, бросила на него взгляд, полный презрения и уже собралась уходить, но тихий, миролюбивый возглас остановил.

– Стой, ляля... Слушай, я тут рябчика вчера подстрелил, крыло малехо дробью покоцал, а он живой – сука, в логоу скачет, может, тебе его поймать? Выходишь – в лес отпустишь. Ты же зверюшек любишь, я знаю.

– А вы с чего такой добрый стали? Поймали бы сразу да свернули башку, чего птицу мучить? Я, вообще не пойму, вам есть нечего? Вы зачем живые существа губите просто так? Нравится убивать?

– Ух, защитница выискалась! Любительница природы... (нецензурно)

– И не выражайтесь! Здесь вам не «кают-компания». Прощайте!

Я наивно думала, что последнее слово осталось за мной, но уже через несколько метров меня дернули за ворот куртки.

– А наша дружеская беседа еще не закончена! Куда метнулась?

– Руки убрал! Если со мной что-то случится, тут такой кипиш будет, что тебе точно несдобровать, и лесные «ухоронки» не помогут. Выкурят, как старого барсука из норы. На тебе уже столько грехов числится, меня еще на шею повесишь – надорвешься.

Вместо того, чтобы ответить, Захар спокойно, совершенно не торопясь, вытащил из кармана штанов нож – «бабочку», расправил передо мной тонкое длинное лезвие и провел вдоль него языком, с усмешкой следя за моей реакцией.

– Ты сейчас со мной пойдешь, куда я скажу. Будешь рыпаться, придется тебя порезать, потому веди себя тихо. А бояться не надо. Я для тебя буду добрый дяденька, если слушать будешь и делать все, что скажу.

– Не сходите с ума. Уберите пику. Что я вам сделала?

– А ничего не сделала. Я тебя, может, потом отпущу. Даже целехонькой отпущу. Ты глупая, молодая телочка, у меня дочка такая же могла быть. Ну, пошли, чего стоишь. Делу, как говорится – время, потехе – час. Это не Маяковский тебе, это – народная пословица.

На подгибающихся ногах я пошла с ним в лес, совершенно не понимая, что задумал Захар и какая роль отведена мне.

Происходящее казалось обрывком дурного сна, репетицией дешевого триллера с психом-маньяком в главной роли.

Я даже пару минут честно ждала, что Захар остановится и начнет смывать с себя мерзкий «зэковский» грим. Превратится в обычного добродушного актера и мы вместе посмеемся над моим театральным дебютом. Но приходилось подчиняться грубым приказам, перемежающимся с новыми приступами кашля. Уже в глубине леса на поляне, заросшей страусником, Захар заявил:

– Лифчик свой дай сюда!

– Зачем?

Я остановилась, как вкопанная, и теперь уже смотрела на него с подозрением и страхом.

– Оглохла? Лифчик, говорю, снимай, мне нужна твоя тряпка! Или тебе помочь...

– Я сама.

– Быстрее!

Я отвернулась и медленно стащила с плеч бретели бюстгалтера, а потом вытащила его через рукав футболки. Не глядя, бросила в сторону Захара, и он поймал на лету комок эластичной ткани.

– У березы сиди пока, ближе не ходи!

Пару минут я смотрела, как Захар привязывает бюстгалтер к низкой ветке дерева, что изгибалась в сторону замшелого пня, окруженного высокой густой травой. Когда же я наконец поняла замысел уголовника, кинулась умолять.

– Пожалуйста, не надо этого делать! Он же человек, так нельзя!

Захар повернулся ко мне с выражением откровенной злобы на землисто-сером лице.

– А я за как раз чистоту рода человеческого! За кровь предков наших, что в боях за землю русскую полегли, за отцов и матерей...

Я всхлипнула, стараясь удержать слезы:

– Что бы вам Лиля не говорила, но вы всей правды не знаете... Рай тоже был на войне, он на самолете летал и врагов бил, он – герой! Его взяли в плен и опыты проводили насильно, потому он и стал необычным – особенным. Самое главное, он нашу землю защищал, его уважать надо, а вы...

– Был в плену, значит, трус и предатель! Подохни, но не сдавайся, – процедил Захар, закончив маскировать капкан.

– Он сознание потерял, чуть не умер... Его долго лечили, – убеждала я.

– А когда понял, что превратился в животное, надо было правильное решение принять.

– Да какое решение? Рай ни в чем не виноват, он – жертва!

– А вот как считаю я! – рявкнул Захар. – Коли сломали тебя и ты зашкварился, так чего долго тянуть... Если хоть еще немного мужик – так поди и вскройся, не погань собой мир.

От этой железной блатной логики меня передернуло. Забыв о всякой осторожности, я принялась спорить:

– Может, это как раз и есть та самая трусость – умереть

от своей руки, все равно что сбежать с поля боя!

Глаза моего похитителя налились бешенством:

– Зачем жить, если ты – ур-род?! – брызгал слюной Захар.

– Но ты тоже моральный урод, почему не «вскрываешь-ся»?

– Ты меня с кем сравнила, сучонка мелкая?

От его увесистой оплеухи я полетела на землю. Лицо невыносимо горело, во рту появился противный привкус крови, кажется, у меня губы разбиты. Я сплюнула на траву, так и есть... Откашлявшись, Захар пнул меня в бок носком сапога.

– Вставай! Чего растелелась, некогда возиться!

– Отпустите по-хорошему, неужели хотите обратно на зону?

Мои слова отчего-то развеселили Калганова.

– До нового срока я уже не доживу, окочурюсь через месяц, так наш коновал определил. Рак у меня, ляля, я внутри весь гнилой, как этот пенек трухлявый. Вот такие дела! Оттого и отпустили раньше положенного, чтобы закопали дома, чтобы статистику им не портил.

«Вот бедняжечка! Расплачусь сейчас...»

Но доверительный тон его сообщения внушил мне призрачную надежду. Я встала на колени и начала уговаривать:

– Сочувствую вашей беде, но пока время есть, надо в клинику обращаться, а не с ружьем по лесам бегать на свиданья к горгульям в погонах. А если все совсем плохо – грехи за-

маливать...

– Нравишься ты мне, девка, отчаянная и глупая, – вздохнул Захар.

– Наверно, в папу пошла... У него руки в шрамах были, сам себя резал для понта. Вы же знаете, перо вынул – пусти в ход, а то свои же предъявят.

Захар смотрел на меня теперь с каким-то нескрываемым любопытством, словно на редкое животное, попавшее ему в силки. То ли шею свернуть, то ли отпустить... Пока не определился.

Только проговорил вразяжку:

– (нецензурно)... тебя сейчас, что ли? Аж разбирает меня твоя страстность!

– Может, как-нибудь опосля... – растерянно предложила я, еще надеясь договориться. Разум отказывался верить в наилучший исход.

– Можно и опосля... вот дела закончу и пообщаемся плотно.

Я тут же подорвалась с места:

– Рая не трогайте! Если вам не нравится, что мы тут поселились, могу обещать – скоро уедем в другое место! Лес опять ваш будет, живите, как хотите. «Закон – тайга, хозяин – медведь!» До поры до времени... Знаете, как в одной хорошей песне поется: «У века каждого на зверя страшного найдется свой однажды волкодав!»

– Язык тебе отрезать надо. Совсем страх потеряла, чокну-

тая. Тебе самой никаких звериных лекарств не вприснули?

От такого предположения я надолго замолчала. Просто подумала, что «специальные люди» при желании и по приказу свыше могли что угодно со мной сотворить. И с Раем тоже. А действия Лили могут быть тщательно спланированы. Тогда все, что с нами происходит. – лишь часть жестокого, бесчеловечного сценария, где мы жалкие, безвольные куклы.

Захар вел меня все дальше в лес, упоминая про свою избушку в укромном месте. И я пока не могла придумать, как от него сбежать.

* * *

Рай проснулся от прикосновений теплых, нежных рук. Было приятно ощущать откровенную ласку самых чувствительных частей своего тела, но хотелось также понять, кто дарит ему нечаянную радость.

Он протянул ладонь к паху и коснулся плотных густых волос. «Это не Ева... у той волосы мягкие, струящиеся между пальцев, словно перышки, а здесь жесткая грива...».

Рай открыл глаза и приподнялся на постели. Его янтарные глаза тотчас встретились с синими омутами Лили. Ничуть не стыдясь собственной наготы, она продолжала интимный массаж.

– Доброе утро, сокровище мое! Как спалось? Я всю ночь рядышком была, тревожить не хотела... Давай сейчас побав-

луемся, чего бы ты хотел?

Ее роскошная грудь скользнула по его напряженному животу и скоро оказалась на уровне лица.

– Попробуй меня, Раюшка, я така-а-я сладкая... В жизни куча проблем, надо каждый лучик счастья беречь.

– Лучики иногда глаза слепят, можно не туда повернуть рычаг и потерять машину... вместе с той самой жизнью. В небе и на земле все зависит от правильной расстановки сил и умения маневрировать. А еще нельзя противника недооценивать.

– Да забудь ты свою войну! Она давно кончилась, ведь тебе объяснили. Начни с начала.

– С тобой? Уж прости, не хочу.

Рай осторожно отодвинул Лилию на кровать и сразу поднялся, оглядываясь в поиске одежды.

– Миленький, ты куда? А как же я?

Она кинулась ему в ноги и, обхватив руками бедра, попыталась снова прижаться к паху.

Рай чуть пригнулся и, взяв Лилию за волосы, решительно отстранил от себя.

– Ты лучше скажи, чем меня опоила, дрянь? Еще до дому тащил из леса... Тебя, подлюку, надо стороной обходить. Я живодера-охотника ненавижу, но теперь понимаю, за что он тебя ударил. Таких, как ты у нас раньше называли «стервь», то есть падаль.

Скорчившись на полу, Лиля наматывала длинные волосы

на кулак и теперь в ее глазах мерцала откровенная ненависть.

– Если бы ты знал, как вы все мне противны, сволочи! Как я вас презираю... за ваше чувство превосходства, за то, что вы «сильный пол», а мы пригодны лишь для вашего пользования. Вы же на самом деле такие слабые и трусливые, когда дела касается ваших мужских способностей, вы же всего боитесь, уж я-то знаю... вам так легко сделать больно, уязвить до помешательства. Ходячая гора комплексов.

– Завела шарманку! Лучше скажи, куда мой ремень спрятала?

– Отдам, все отдам... Душу бы отдала, да она проклятая вся в коростах. Удовольствие каждый раз получаю только с новым мужчиной, одного мне едва хватает на пару месяцев и потом снова чувствую голод и выхожу на охоту. Что ты обо мне знаешь, милый дурачок? Что знаешь о моей боли, моих ранах... Их нанесли мне такие, как ты, пока я не научилась кусаться в ответ.

– Мне перед тобой каяться не в чем, – буркнул Рай, пытаюсь обойти Лилию, преградившую выход из комнаты. – Не дите малое, чин хороший имеешь, должна бы за ум взяться.

– Ну, давай, беги к своей тихоне-овечке! Только запомни, Ева никогда не даст тебе такое блаженство, что я могу. Она и в постели будет лежать, как бревно.

Взявшись за дверную ручку, Рай усмехнулся.

– Странная ты женщина, мне тебя даже жаль. А с чего ты решила, что мне нужна какая-то дикая страсть? Я хочу жен-

щину добрую, ласковую, стыдливую немножко. Чтобы первой не лезла в штаны, чтобы краснела и взгляд опускала, когда трогаю.

– Да что там трогать...

Последней реплики Рай уже не расслышал, мыслями он убежал вперед, через аллею молодых елочек к дому, но Евы там не нашел. Постель ее была аккуратно заправлена, на столе забыт недопитый чай, а пачка печенья «Топленое молоко» криво надорвана, но прежде Ева всегда пользовалась ножницами. Наверно, этим утром очень спешила, неужели побежала искать его к лесу...

Рай замер, пораженный догадкой. Ведь он надеялся быстро вернуться к ней и закончить непростой разговор, но из-за коварства Лили задержался до утра. А сам обещал защищать и заботиться... Сейчас нужно срочно отыскать Еву и все объяснить.

Все больше мрачней, Рай бежал по сосновой роще, пока не вступил под полог смешанного леса. Именно здесь, на границе старого березняка, они с Евой недавно собирали чагу, потом она заметила ежа, странно, чего ему не спалось – он же ночной охотник. Так... охотник... где-то здесь Ева встрети-лась с Захаром, отсюда она звала на помощь.

Впервые в жизни Рай искренне пожалел, что не обладает всей мощью звериного обоняния и не способен идти на запах по следу. Но и смиренно ждать, когда Ева вернется домой, он тоже не мог, а потому доверился интуиции, решив

обследовать участок. Уже через несколько метров в поле его острого зрения попала белая тряпица, привязанная к ветке. Знакомая вещица женского гардероба могла принадлежать только ей...

Рай с разбега бросился в заросли страусника, но в этот же момент невероятным усилием мышц остановил тело в воздухе, заставив себя увернуться в сторону. Просто он вспомнил.

Как-то ночью Ева рассказывала ему о засаде, которую приготовил браконьер для самца рыси. Ловушка-приманка с запахом «любимой кошки» едва не лишила жизни лесного кота. Рай счастливо избежал горькой участи, мягко приземлившись на колени и локти. И уже потом, осторожно раздвинув перистые листья папоротника и тонкие прутья валежника, обнаружил на земле зубчатый медвежий капкан.

Если бы Рай завершил свой прыжок так, как намеревался, его правая нога сейчас вполне могла быть раздроблена ржавыми металлическими челюстями.

«Она снова спасла меня, даже будучи далеко. Сумела заранее предупредить, всего лишь рассказав о любимой книге. Моя любимая, маленькая, храбрая, нежная...»

На стволе березы недалеко от капкана Рай обнаружил красную полосу, будто кто-то вытирал измазанную кровью ладонь. Отыскать направление теперь не составило большого труда. Задыхаясь от гнева, Рай старался сохранить четкость мысли и внимательность взгляда, не пропустить ни од-

ной важной детали, которая могла сократить поиски. Тот, кто ударил и забрал Еву будет жестоко наказан.

Рай ни секунды не сомневался в себе, зная, что совершенно безоружным идет к охотнику, у которого есть ножи и ружье. Он шел вернуть любимую женщину... И никто не мог сейчас встать у него на пути.

Глава 11. «Научи меня любить...»

Ева

По моим подсчетам не меньше часа прошло, пока мы добрались до охотничьей избушки-развалюшки. Дощатая крыша обросла мхом, дверь шкрябала по земле, еле открылась. Захар затолкнул меня внутрь и велел сесть на некое подобие лежанки в дальнем углу. Сам же начал шнырять по уютной комнате, брякал какими-то склянками, смел на пол с обшарпанного стола обрывки газет и тарелки с засохшими объедками.

Внутри домишки с единственным крохотным окошечком стоял невыносимо затхлый воздух. Я зажала нос пальцами, но кислая вонь мешала нормально дышать. А пуще того угнетала мысль, придет ли помощь, ведь никто не знает, что меня так далеко увели.

Порой откровенно хотелось зареветь во весь голос, может, злой дяденька пожалеет и к маме отпустит. Но мамы у меня нет, и Захар не из жалостливых, до сих пор скула болит от его удара.

И все равно я мало его боялась, во мне жила прочная уверенность, что он не причинит мне большого вреда, только напугает.

– Пить хочешь?

Я отрицательно помотала головой. Захар пристально по-

смотрел на меня, и на лице его вдруг появилось новое странное выражение, очень походившее на мужской интерес. И даже голос неожиданно смягчился до отеческих ноток:

– Может, тебе поссать надо, скажи, отпущу на двор... постою, покараулю.

Я снова дернула головой, стараясь не глядеть в его сторону.

– Ну, жди тогда, я сейчас приду. Из лачуги не высовывайся, даже не пробуй сбежать, назад притащу и штаны спущу. И свои заодно тоже.

Он, кажется, был весьма доволен получившейся прибавкой. Противно оскалился, поглядывая на меня с возрастающим азартом. Его маленькие, глубоко посаженные глаза вдруг потеплели. Сейчас Захар походил на старого матерого волка, что притащил в логово зайчонка и не прочь позабавиться напоследок... Перед тем, как придушить.

Захар вышел, шумно захлопнув за собой хлипкую дверь, с потолка посыпался сор. Я подняла голову и взгляд мой уперся в ружье, стоявшее у стены рядом с дверью. Не успев ничего толком обдумав, я кинулась к «двустволке» и, стиснув ее в руках, вернулась на топчан, застеленный грязным покрывалом.

Даже не представляла, что ружье может быть настолько тяжелым, или это я такая слабая, а еще бестолковая. Я так и сяк вертела оружие, пытаюсь сообразить, заряжено оно или нет. Наконец с превеликим трудом мне удалось перело-

мить его пополам и обнаружить в одном стволе что-то вроде патрона. В голове крутились общеизвестные охотничьи термины типа «жакан» и «пыж»...

Я никогда прежде не держала в руках ружье, понятия не имела, как из него стрелять. Мне и в исходное-то положение вернуть ствол удалось не сразу, где-то заело или у меня руки тряслись от страха – не хватало ни сил, ни сноровки.

Дрожащим пальцем я нащупала спусковой крючок, направила дуло в сторону двери и разревелась. Одно дело смотреть по телевизору, как храбрая героиня под угрозой пистолета заставляет сдать оголтелых преступников. Другое дело – испуганной учительнице сидеть в сыром закопченном углу и ждать Захара.

А когда он появится, мне сразу стрелять? Боженька, спаси, я же не смогу... Но тогда он дождетя Рая и его на мушку возьмет. А с чего я взяла, что Рай за мной придет, ему теперь хорошо у Лильки под мягким боком.

Такие горькие думы вовсе не способствовали повышению боевого духа. Я опустила ружье на колени, и теперь слезы размазывала по щекам, а они все текли и текли от страха и одиночества. И еще оттого, что Рай все-таки предпочел крашенную куклу, а ведь поначалу все «Ева... моя Ева... я без Евы никуда».

Клоун рыжий! Пусть с Лилькой останется, лишь бы не совался за мной в лес.

Скрипнули разошедшиеся доски – в избушку зашел За-

хар. В одно мгновение оценил обстановку внутри, подлетел ко мне и грубым движением вырвал «двустволку» из рук. Даже не стал ругаться и бить, пожурил, как ребенка.

– А ну отдай! Все равно бы не выстрелила, с предохранителя-то забыла снять... Эх, ты, ляля-ляля... глупенькая, сладенькая.

Обидно, обидно... и уже очень страшно... Захар вернул ружье на место и вернулся ко мне, сел рядышком, положил тяжелую ладонь на мое колено.

– Ладно, не реви, смелая, смелая, оценил. Сейчас утешу! Я утешать мастер, ни одна бабенка еще не жаловалась. Да не жмись, ты ведь не девочка, ну, куда ты собралась, дура... Все равно возьму, хочешь – не хочешь... с вами только так и поступать.

Он подтащил меня к себе ближе и начал стаскивать футболку, расстегивать джинсы, а когда я попыталась протестовать, так ткнул кулаком под ребра, что у меня дух захватило, и я скорчилась от боли, плохо соображая, что происходит.

Снова возникло странное чувство, что все вокруг либо дурной сон, либо кино съемки. С минуты на минуту должен появиться оператор с камерой, весело объявить, что снят хороший кадр и кошмар закончится. А потом внезапно пришло четкое понимание, что это реальность и спасения ждать неоткуда.

Словно отвечая на мой мысленный вопль отвращения Захара вдруг оторвала от меня неведомая сила и впечатала

в противоположную стену избушки. Я свернулась на лежанке калачиком и замерла, глядя на то, как рыжеволосый мужчина, снесший с петель двери, дубасит охотника.

Мне нужно было отвернуться или закрыть глаза, но я будто окаменела и взгляда не могла отвести от того, как Рай молотил Захара. Это было гадкое зрелище, оно совсем не походило на все драки, виденные в кино. Сейчас, наяву, в двух метрах от меня избивание человека выглядело омерзительно.

У меня закрутило живот, изнутри к горлу подступила тошнота, а потом стало жарко, будто я оказалась в парилке, поплыли черно-красные пятна перед глазами...

* * *

Я пришла в себя от свежего прохладного воздуха, от колючих капель дождя на лице, приоткрыла один глаз, глубоко и с наслаждением вдохнула запахи леса. Рай нес меня на руках, быстрым шагом пробираясь между берез и молоденьких пушистых сосенок.

– Потерпи, скоро дома будем, я тебя помою, будешь чистой...

Чтобы отвлечься от образа стонущего в углу Захара, я принялась вспоминать Лилю – неужели она настолько разочаровала Рая, что он в лес от нее удрал.

– Я-то не замаралась, а вот насчет тебя...

– На мне только кровь этой мразоты.

– Ты его убил? – буднично спросила я.

– Нечего жалеть, одним гадом меньше, – твердо заметил Рай.

– Надо сообщить... Как там Лиля?

Рай поставил меня перед собой, крепко удерживая руками, чтобы я не свалилась. Его лицо приблизилось к моему. Янтарные глаза горели золотыми огоньками.

– Я должен был вернуться к тебе, уснуть около тебя, да видно опоила шалава... ничего не помню, но уверен, что не прикасался к ней. Клянусь нашими будущими детьми!

Вот почему он такой? Закрытый, жесткий и в то же время доверчивый как мальчишка. А ведь дети в его представлении – это самое важное, самое главное... Семья и дети – вершина в иерархии ценностей. Апогей желаний и стремлений. Значит, сейчас он не лжет.

Вдруг припомнились слова Лильки о том, что «...с пяти капель отрубился и никакого толку...». А я его мысленно клоуном обозвала, раскисла перед Захаром, не сумела ружьем воспользоваться.

– Рай, научи меня стрелять. И еще хорошо драться. Мы сбежим из этого заповедника в лучшее место на Земле, где никто не приказывает, не врет и не ставит опыты над людьми. Где нет убедительных змей и яблоки можно есть без опаски. Где честные люди живут хорошо.

Я больше ничего не могла говорить, меня душили слезы, я ухватилась за его куртку, прижалась носом к груди и надолго

так замерла. Все самое страшно позади, мы рядом и больше не должны расставаться ни на день, ни на час. Иначе случится беда.

Рай гладил меня по спутанным волосам, целовал в лоб, согревал холодные ладони своими большими теплыми руками.

– Ты спасла меня в подвале, отцепив ремни, и сегодня снова спасла. Если бы не твои рассказы, я бы даже не подумал про западню в кустах, когда увидел белую тряпочку. Меня злость ослепила, я представлял, что сделаю, когда до него доберусь... я хотел, чтобы он мучился долго, а он кровью собственной захлебнулся, ногами засучил и подох, как бешеная псина.

Знаешь, а кровь-то у него черная оказалась, я такого не видел прежде... чтобы у человека была такая черная кровь. И ты смотрела, а я остановиться не мог. Когда я понял, что он собирается с тобой сделать, у меня в голове помутилось, я хотел ему сразу же спину сломать. Я просто озверел. Ты, наверно, не все про меня знаешь.

– Мне не важно, кто ты. Важно – какой ты есть! А ты удивительный, невероятный, единственный...

– Убийца. Не только сегодня. Еще там...

– Это была необходимость, – торопливо вскричала я, не давая ему продолжить.

Убеждала его и себя одновременно, даже больше себя, а Рай продолжал.

– Понимаешь, я вины за собой не чувствую и это, наверно, самое страшное во мне.

Мы смотрели друг на друга, словно увиделись впервые – оба такие разные, и в то же время похожие в главном... Отчаянные и противоречивые, дерзкие и безрассудные, живущие порывами и страстями.

– Я бы хотел все самое страшное забыть, родиться заново. Но ведь так нельзя и подленько даже, будто себя предать. Ева, научи меня помнить без ненависти, прощать, отпускать. Ты умеешь, я знаю. А дети у нас будут красивые и послушные.

Последнюю фразу он сказал немного невпопад, тихо и очень серьезно, как о совершенно решенном вопросе. Но мне все еще хотелось кое-что уточнить...

– Ты, правда, ее не трогал?

– Правда.

– А она тебя? Что она с тобой делала, пока ты спал?

У Рая даже брови поползли вверх от удивления, он отвел глаза в сторону, словно придумывая наиболее удачный ответ.

– Я же спал, откуда мне знать... И совсем не важно.

– Конечно, – вздохнула я.

Когда мы вернулись в поселок, то увидели возле столовой незнакомую большую машину. Рядом с ней стоял симпатичный мужчина средних лет с характерной татарской внешностью, разговаривал с кем-то по рации.

Увидев нас, он заулыбался, словно мы ему принесли известие о крупном выигрыше в лотерею.

– Добрый день, друзья! Я – Дамир Садыков. А вы – Ева и Рай, я знаю. Мне про вас Ольга рассказывала. Я теперь с вами поживу с недельку, а, может, и больше. У вас тут неспокойно, говорят.

– А Лиля...

– Лилию Яковлевну в город перевели, она только что уехала, буквально пару минут назад, прямо перед вами, за ней специально машину отправили. Передавала приветы и... – Дамир улыбнулся лукаво, – поцелуй, но я, думаю, вам и приветов хватит.

– Да-да, конечно, – рассеянно отвечала я, наслаждаясь чувством «гора с плеч».

– Очень рад нашему знакомству! – продолжал Дамир. – А почему вы такая бледная, что случилось? А у вас... Рай, на вашей одежде кровь? Вы ранены?

Мы с Раем переглянулись, – Дамир внушал доверие, а потому я быстро рассказала ему, как гуляла у озера и незнакомый охотник, угрожая ножом, увел меня к своей избушке. А потом жаловался мне на неизлечимую болезнь и хотел обесчестить с горя. Рай вовремя пришел по моим следам и убедил охотника этого не делать. Тот с тоски разбежался и ударился головой о стену... несколько раз... заодно другие повреждения себе нанес – тяжкие, телесные.

Дамир выслушал с круглыми глазами и рассказал в свою

очередь, что в лесу нашли присыпанный хворостом труп молодого егеря, который несколько лет назад на суде выступал против Захара Калганова. А сейчас по округе рыщет наряд полиции, чтобы забрать убийцу, но раз он лежит в своей избушке с проломленной башкой, то это даже ничего, забирать легче будет.

Дамир велел нам идти к себе и сидеть дома тихо, как мыши, ждать врача и какого-то человека с бумагами, которые надо будет подписать.

– Вы так и останетесь «Рай»? Или возьмете себе для документов другое имя? Отчество-то все здешние себе выбрали – Алексеевич, что-то вроде традиции уже... еще вам с фамилией надо будет решить.

– Я – Александр. Уж тогда Александр Алексеевич.

– Райский!

– Ах, как гордо звучит! – поцокал языком Дамир. – Так и запишем.

Рай нахмурился и повел меня к нашему коттеджу. В маленькую душевую мы хотели забраться вдвоем, но врач пришел, и я отправила Рая с ним объясняться. Сама же в это время с удовольствием помылась и переделалась во все чистое.

А потом уже мылся Рай и у меня тоже не получилось ему помочь, потому что я подписывала бумаги, которые принес Дамир. И вся эта канитель с посещениями продолжалась до самого вечера.

Но и потом к нам наведались Светлана с Галиной, принес-

ли много всякой еды и выпеняли, что мы игнорируем их поварские способности.

Я думала, что в меня сегодня даже ложка супа не влезет, но, к собственному удивлению, съела и первое и второе даже с добавкой, уж очень вкусные были котлеты с подливкой. Рай тоже не привередничал, уплетал за обе щеки, одобрительно на меня поглядывая.

– Вот-вот... скоро на человека будешь похожа.

Уже в сумерках мы вместе прибрали посуду и решили, что надо бы ложиться спать. В комнате с двумя кроватями мы тихонько разделись друг напротив друга и легли в одну постель, как муж и жена, которые уже много лет живут вместе.

Некоторое время мы лежали, каждый на боку, смиренненько подложив ручки под голову, глядели друг другу в глаза и улыбались. Потом Рай начал говорить, хотя это не было его любимым занятием.

– Ты сильно расстроилась, что я не космонавт с другой планеты?

– Нет, не из-за этого... мне стало обидно, что мне долго позволяли так думать. Потешались надо мной втихаря. И ты, наверно, посмеивался.

– Мне казалось, так будет лучше. Ты ко мне немного привыкнешь, и, может, не испугаешься, когда правду узнаешь. Скажи... а я совсем тебя не привлекал как мужчина? Ты до-трагиваться до себя не позволяла, пряталась от меня, даже прогнала с кровати в первую ночь.

– А ты себя нагло вел – безо всякого разрешения меня хватал!

– Я же видел, что ты хочешь. Смотрела на меня и облизывалась, как кошка.

– На сметанку... – съязвила я. – Давай закроем старые страницы и начнем новые.

– Согласен. Давно хочу тебя прочитать – твои губы, твои глаза, животик и ножки... всю – от начала и до конца, раскрыть посередочке и уже как следует взяться.

Я вздохнула задумчиво, – вот то, что он сейчас заявил пошлостью считать или комплиментом? И с чего он сегодня такой разговорчивый... Мы будто поменялись ролями.

– И чтобы ты тоже меня читала, конечно, – вдохновенно рассуждал он. – Тебе же всегда было интересно – что я такое. Любопытная ты лисичка.

Я обняла ладонями дорогое мне лицо и увидела в его глазах звезды – множество ярких звезд – целую неизведанную Галактику, которую мне еще предстоит открыть в нем, удивительную Вселенную человеческой души.

– Обожаю вас, товарищ Райский!

– Я теперь Александр, – напомнил он.

– Если у нас родится рыженький сынок – назовем его Лев, ладно? А если дочка, то Анастасия, что значит «воскресшая».

– Я не против...

В эту ночь мы были словно Адам и Ева, впервые познав-

шие друг друга, совершенно одни на планете, уже изгнанные из Эдема и начавшие строить свой собственный мир на земле. Может, в этом и была грандиозная задумка Всевышнего – научить людей жить самостоятельно. И вовсе не гневался бог, спровадив нас из прекрасной обители на холод и голод.

Он лишь хотел, чтобы мы сами научились творить и сами могли строить свою жизнь, выбирая между добром и злом. Для того-то нам и было дано яблоко Знания – кисло-сладкий плод, чей вкус однажды разбудил пытливый человеческий ум, вдохновляя на подвиги или злодейства.

И вот сейчас, в объятиях своего мужчины, своего «Адама» я четко поняла замысел Создателя всего сущего. И для этого мне даже не пришлось износить сто железных сапог и сгрызть сто железных караваев, как героине старой народной сказки, хотя кое-что пришлось пережить, не скрою.

Одно теперь знаю твердо. Он всегда рядом – в наших сердцах и бесконечно любит нас всех. А если ты начинаешь в этом сомневаться, приложи ухо к груди любимого человека. Ты непременно услышишь Его голос в стуке дорогого тебе сердца.

Мы продолжаемся... Мы живем дальше, такими – какие мы есть, пытаюсь порой быть немножечко лучше.

*Мне посчастливилось родиться
Спустя лишь сорок долгих лет,*

*Но та война порой мне снится,
На мне ее незримый след.
Боев я слышу отголоски,
Я вижу небо все в огне,
И тех суровых дней наброски
Живут откуда-то во мне.
И если в души переселенье
Поверить иногда рискну,
То представляю на мгновенье
Как умираю за Москву.
Как гибну в раскаленном танке,
Вдыхаю Аушвица смрад,
И волоку пустые санки
Через блокадный Ленинград.
И стыдно мне сейчас терзаться
От мелких жизненных невзгод,
Кто там не захотел сдаваться –
здесь многое переживет.*

Вот и все, что я хотела сказать по поводу «Русского вида».

Спасибо за ваше внимание, звездочки и комментарии!